

Дуглас Брайан Стигийские маги

Аннотация

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

У границы Кешана и Стигии, у отрогов гор, что скрывают в своем сердце большой город Алкменон, стоит маленький городишко – Куранак. Больше половины жителей в нем – стигийцы, хотя считается, что он расположен на территории Кешана. Городок этот торговый, но какой-то невеселый; не бывает там, ни разудалых ярмарок, ни праздников, ни особенно оживленного обмена товарами. Купцы проезжают его быстро – торопятся попасть в Птейон или Сухмет. Но все, же чужаки здесь не редкость, и в городе имеются целых два постоянных двора.

На одном из них, том, что похуже и поближе к окраине города, сидели тем вечером сразу двое постояльцев: огромного роста варвар со смоляными волосами и синими глазами и невысокий, верткий, смуглый человечек, который даже в помещении не стал снимать с себя доспеха.

Варвар больше слушал, время от времени вставляя «хм!», а человечек говорил без умолку. Видимо, о чем-то любопытном для своего собеседника болтал он, потому что киммериец ни разу не прерывал его, не заревел «клянусь Кромом, ты меня утомил!» – или что-то в этом роде. Хотя трактирщик поначалу ожидал именно этою.

С облегчением убедившись в том, что оба его постояльца, несмотря на полную противоположность характеров, сошлись вполне по-дружески и что вина им хватит еще на половину ночи, когда их, вероятно, сморит сон, трактирщик удалился на покой.

А собеседники остались возле очага и продолжили свою беседу.

Второй путешественник был стигиец. Поначалу, когда они с киммерийцем только-только встретились на этом постоялом дворе, они страшно не понравились друг другу.

– Стигиец? – проворчал варвар, трогая свой меч, рукоять которого высывалась из-за могучего плеча.

– Варвар? – прищурился стигиец, поводя плечами особым образом, так что все пластины, нашитые на его кожаный доспех, угрожающе зазвякали, а различные амулеты и подвески на поясе забренчали, точно ковши в посудной лавке во время сильного ветра.

– Лучше уж быть варваром, чем жить в Стигии, среди «цивилизованных» людей, –

фыркнул киммериец. – Не будь я Конан-Амра, если мне когда-нибудь захочется осесть в этой отвратительной стране!

– Говори почтительнее о моей родине! – разозлился маленький стигиец и повыше задрал нос. Черты его смуглого лица были довольно приятные, правильные и тонкие, большие темные глаза влажно блестели, широкие гладкие брови выглядели так, словно их специально смазывали маслом.

– Еще чего! – заявил Конан. – Всем известно, что Стигия – берлога злобных колдунов и обиталище отвратительных демонов. Ничего хорошего не может быть родом из Стигии.

– Да, в Стигии много магов, – отозвался молодой стигиец. – Но не одни только маги населяют эту землю, можешь мне поверить! Кто, по-твоему, возделывает стигийские поля? Кто ловит рыбу? Кто производит тонкие стигийские ткани, режет по кости и дереву, создает изящные украшения?

– Кто? – заинтересовался Конан. И тут же ответил сам себе: – Вероятно, какие-нибудь несчастные рабы, которых вы вывозите из Черных Королевств или пригоняете с севера.

– Можно подумать, в других странах нет рабов! – задиристо возразил стигиец. – Нет, в нашей стране, поверь мне на слово, много достойных людей. Другое дело, что наши маги действительно преуспели в черных науках и иногда от них нет никакого житья...

– Ладно, – вдруг согласился Конан. – Ты мне нравишься. Станный ты тип.

– Мое имя – Гирандо, – представился стигиец. – Я родился в Луксуре и с детства люблю его башни и таинственные улицы. Знаешь, приятель, там ведь очень красиво.

– Да. А еще – жутко, так мне говорили ребята, которым удалось унести оттуда ноги, – сказал Конан.

– Иногда «жутко» – часть понятия «красиво», – задумчиво отозвался Гирандо.

– Слишком сложно для меня, – проворчал Конан. – Давай лучше ужинать.

За ужином они подружились окончательно. Гирандо оказался замечательным собеседником. Он очень много знал, побывал в десятках городов, проник – как казалось, слушая его рассказы, – в сотни тайн, и обо всем имел собственное мнение.

Он был воином. Конан впервые видел воина-стигийца и не уставал дивиться этому зрелищу. Во-первых, Гирандо был вооружен с головы до ног: на нем был, как уже упоминалось, доспех из очень плотной кожи, с нашитыми медными пластинами, во многих местах помятыми и пробитыми, – очевидно, этот доспех не раз побывал в бою; на левой руке стигиец носил маленький круглый щит, за спиной у него висел лук, на бедре – колчан, за поясом – шесть кинжалов в ножнах, а чуть ниже – короткий и широкий меч, какими пользуются пехотинцы. Имелся еще длинный меч, но он остался лежать в комнате, где остановился путник, вместе с остальными его нехитрыми пожитками – колючим одеялом из верблюжьей шерсти, котелком, связкой черного вяленого конского мяса и седлом с уздечкой. От своего оружия стигиец даже не подумал избавиться, когда спускался вниз, к очагу, где намеревался плотно пообедать перед сном.

Конан исподтишка разглядывал многочисленные амулеты, которыми стигиец был увешан. По мнению варвара, выглядело это крайне глупо. С другой стороны, низкорослый воин происходил из Стигии, а там знают толк в колдовстве. Возможно, этот парень понимает, для чего ему быть, точно красавица из гарема, с головы до ног в побрякушках.

Они ужинали и разговаривали, а потом, когда с мясом и хлебом было покончено, принялись за вино и уничтожили немалое его количество. Гирандо рассказывал о своих подвигах. Несколько раз ему удавалось уничтожить монстра. В Стигии, по его словам, полным-полно монстров, и он, Гирандо, взялся их изводить.

– Сейчас у меня охота на дичь покрупнее, – признался он, наконец, после шестого или седьмого увесистого бокала местного хмельного напитка.

Конан вопросительно поднял бровь.

По другую сторону границы, в Стигии, в сумрачном лесу Вио шла тайная и страшная жизнь, о которой до поры никому не было известно. Там сохранилось в неприкосновенности племя человекозмей, которых называли с'тарра. Они умели передвигаться с огромной

скоростью, подобно своим прародителям-змеям, когда те неслись прямо на добычу, но, в отличие от предков, не ползали на брюхе, но ходили прямо, высоко подняв маленькую узкую голову. Их тела, тонкие и гибкие, чуть извивались при ходьбе – это помогало им удерживать равновесие. Маленькие красные глазки злобно блеснули из-под капюшонов. С'тарра носили широкую одежду без рукавов с низко опущенными капюшонами – это позволяло им скрывать свой истинный облик и чувствовать себя уверенными.

Даже в своем лесу они не любили обнажать головы. Между собой они разговаривали, быстро шипя и высовывая дрожащие раздвоенные языки. Их речь была примитивной, но хорошо служила им. Эти существа были созданы в незапамятные времена одним могущественным магом. Давно уже погиб этот маг и забылись его имя и деяния, но зловещее племя змеелюдей продолжало населять лес Вио. С'тарра почти не размножались; если случалось самке отложить яйца, то их берегли как зеницу ока. Половина змеенышей так и не вылуплялась – они были мертвы изначально, и яйца постепенно протухали. Из оставшихся многие погибали, едва разорвав кожистую скорлупу – их убивали солнце, влажность, ветер. Но десяток явившихся на свет развивался и вскоре вырастал в холодных, сильных, беспощадных магических воинов. С'тарра были созданы идеальными слугами волшебника. Утратив господина, они тосковали, смутно осозная причину своей тоски. Жизнь их не имела смысла. Они поддерживали ее лишь потому, что это также было заложено в их природе.

Наконец кое-что переменялось. На окраине леса Вио четверо магов выстроили четыре башни. Об этом мало кому было известно. Здешние края почти необитаемы. Земля неплодородна, поэтому крестьяне не приходят сюда со своими быками и плугами. Среди местных растений нет ни шелковицы для того, кто умеет выделывать тонкие шелковые ткани; ни папируса – для умеющих творить письменные принадлежности. Ничего такого, что привлекло бы сюда посторонних людей. Идеальное место для уединенных занятий магией. Именно так решили четверо братьев-магов, сыновей Мутэмэнет.

– Ты не знаешь о Мутэмэнет? – блестя глазами, торопливо шептал молодой стигиец, в то время как Конан неспешно поглощал вино, бокал за бокалом, и с удовольствием слушал. – Это была исключительная женщина. Мага. Она знала заклинания из десятков магических книг. Никто даже не подозревал, сколько ей зим. Говорят, больше тысячи... Во всяком случае, не меньше пятисот. Как она была красива! Длинные черные волосы. Она разбирала их на сотни прядей и кончик каждой пряди помещала в длинную золотую колбочку, а саму прядь перевивала жемчужными нитками. Глаза она красила темно-синей краской, брови покрывала перламутром, на щеках рисовала красные спирали, а губы...

– Погоди, – перебил вдруг Конан. – Ты описываешь не женщину, а настоящую лавку с пахучими мазями. И еще говоришь, что она была красива. Не вижу я что-то красоты.

– Понимаешь, она ослепляла...

– Ты видел ее?

– Нет, но мне рассказывали... Кроме того, мне показывали ее портреты...

– Где? В колдовской школе?

– Можешь смеяться надо мной, сколько тебе влезет, – надулся молодой стигиец. – Нет, я видел ее портреты на рынке в Луксуре.

– По медяку за штуку? – презрительно фыркнул варвар.

– По три... Какая разница! Будешь перебивать, и насмешничать – вообще ничего больше тебе не скажу.

– Сдается мне, речь сейчас пойдет о сокровищах, – сказал варвар проницательно. – Поэтому не буду я больше перебивать тебя. И смеяться не стану. Прости, братец.

– То-то же, – примирительно улыбнулся стигиец. – Ладно, я буду тебе рассказывать так, как рассказывали эту историю мне, а ты слушай и помалкивай. Скоро начнется самое интересное.

Мутэмэнет породила на свет четверых сыновей. Никто не знает, кем был отец этих отпрысков. Поговаривали, будто бог Сет или бог Апоп. Во всяком случае, кто-то очень

неприятный. Но она умела обольстить могущественное существо мужского пола, раздражить его естество и получить желаемое.

Знаешь, Конан, – добавил стигийский воин, – на том же роскошном рынке до меня доходили совсем другие слухи... Будто бы отцом всех этих великих сыновей великой маги Мутэмэнет был какой-то безвестный конюх. Красивый малый и совсем безродный, но храбрец и великий охотник до женщин, будто бы прекрасная мага увидела его, выглянув в щель между занавесями своих носилок, когда тот оглаживал лошадь, и сказала сама себе: хотела бы я быть этой лошадкой! А парень услышал, как знатная дама высказывает такое пожелание... Результат тебе понятен. Четверо сыновей.

Она родила их одного за другим. Они – четверня. Можешь себе представить? Говорят, Мутэмэнет не захотела тратить лишнего времени на вынашивание каждого ребенка по очереди и магическим способом сделала так, чтобы все ее дети родились, так сказать, в один присест.

Разумеется, она применила могущественную магию. Не знаю уж, в какой книге она это нашла. И не могу тебе точно сказать, что это было: напиток, заклинание, волшебный предмет... В общем, укладываясь на ложе любви с бравым конюхом, мага применила свои чары, и семя зачатия разделилось на четыре части. Такая вот ей пришла фантазия.

– А куда потом делся конюх? – заинтересовался Конан.

– Неизвестно. Может быть, она его съела.

Был такой слух, что Мутэмэнет умеет превращаться в змею. Одни говорили – в крылатую, другие – в огненную. Во всяком случае, в одной своей ипостаси эта женщина – монстр.

– Такая женщина в любой ипостаси – сущий монстр, – проворчал Конан. – Я бы ее зарубил, не раздумывая.

Кожа у нее медная, – сказал Гирандо. – Это точно. Общеизвестный факт. Впрочем, поговаривают, что конюх, отягощенный дарами, уехал из Стигии и теперь процветает не то в Офире, не то в Зингаре. Повезло парню.

– Наверное, до сих пор плюется и на женщин смотреть не может, – предположил Конан.

Гирандо пожал плечами.

– Вот уж это – точно не наша с тобой забота. Итак, предприимчивая мага родила сразу четверых сыновей. Но, то ли она ошиблась в расчетах, когда применяла во время зачатия свою магию, то ли это входило в правила игры – не знаю уж, да только каждый из ее сыновей принадлежал только одной стихии: старший – земле, второй – воде, третий – воздуху, четвертый – огню. Вся магия, которая была им подвластна, имела отношение только к одной из стихий; да и характер, телосложение, способности – словом, все было несколько однобоким.

Один был плотный, черноволосый, туповатый и упрямый. Второй – синюшный, отечный, с выпученными голубыми глазами, неопределенный, со странными приступами гнева, которые сменялись глубокой меланхолией. Третий – совершенно белый, как червяк, с длинными и истонченными конечностями, с хрупкими костями, огромным ртом и раздутым животом. Этот обладал, кроме всего прочего, неприятной особенностью испускать газы. Противный тип, ничего не скажешь. Погодой повелевал, как божество, но во всем остальном... И очень капризный.

– А огненный? – заинтересовался Конан.

– Чернокожий и огненно-рыжий, как ты понимаешь, всегда кипящий злобой и яростью, любитель уничтожать, ломать, крушить. Всегда шел напролом.

Эти четверо деток доставляли своей матери немало трудных минут, но она умела с ними справляться. Потому что, в отличие от них, Мутэмэнет была цельной личностью.

Не думаю, чтобы она много времени потратила на обучение их магическим искусствам, потому что они сами по себе были произведениями магического искусства. Она использовала их в собственных целях. Только не спрашивай меня, каковы эти цели были. Я

не умею проникать в тайные мысли людей, даже если это великие маги, о которых судачит вся Стигия. Но уверяю тебя, Мутэмэнет ничего не делала просто так.

На краю леса Вио, который они выбрали ради уединенности, эти существа по приказу своей матери возвели четыре башни и стали учиться там повелевать стихиями. Прошло немало лет, прежде чем с'тарра, обитавшие в глубине леса, прослышали о новых соседях и начали задумываться о том, нужно ли им подобное соседство.

С одной стороны, людям-змеям требовался властелин, истинный маг, который направил бы их темные силы в нужную сторону. Они желали подчиняться.

С другой... С другой стороны, слишком долго они прожили, не зная над собой никакой власти, совершенно свободными, сами себе господа и повелители. Они отвыкли подчиняться.

Единственный господин, чью волю, они выполняли охотно – так сказать, в силу своей естественной природы, – давно уже умер. А чего ожидать от новых магов? Не будут ли распоряжения этих неизвестных новых господ глубоко противны всей сущности с'тарра?

Ответов на свои вопросы они не получили. И затаили глубокую темную злобу. Нет, им не нужны по соседству маги с их башнями. Они не желают служить каким-то непонятым магам четырех стихий.

Маги, насколько было известно с'тарра – а этим существам, несмотря на всю их примитивную, полуживотную природу, о магии и чарах известно, поверь мне, очень многое! – имеют обыкновение вторгаться в природу магических, искусственно созданных существ и изменять их по собственному усмотрению. История о том, как были изменены змеи, осталась в памяти с'тарра как нечто удивительное, страшное и болезненное. Им не хотелось повторения.

Им хотелось тихо жить в своем уединенном лесу, вдаль от всех, и выводить немногочисленное потомство. От магов слишком уж много шума и беспокойства.

А затем им на ум пришла еще одна мысль. Надо тебе сказать, что мысли у с'тарра всегда простые, но сильные и определенные. Так мыслят все животные. Сначала они видят добычу, потом выискивают способ напасть на нее, а когда определено и то, и другое – нападают, больше ни на что не отвлекаясь. Так же поступили и с'тарра. Они пожелали возвести вокруг своего леса большую стену и наложить на нее заклятие, чтобы никто не осмеливался пересечь эту границу. Для чего им необходимо было изгнать магов и завладеть теми волшебными предметами, которые наверняка имеются в четырех башнях.

И в одно страшное утро все четверо сыновей Мутэмэнет вместе с их прекрасной и ужасной матерью проснулись от странного звука. Все кругом шипело и шелестело, как будто вся листва опала со всех деревьев, какие только растут в Стигии, и прилетела шуршать под стены башен. Ради этой БИТВЫ ВСЕ с'тарра расстались со своими плащами и явили солнечному свету свои тела, покрытые грубой сероватой чешуей. Они неустанно подкапывали – башни, некоторые лезли вверх, вооруженные кинжалами и собственными острыми зубами.

– Как ты думаешь, они ядовитые? – спросил Конан, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

– Зубы с'тарра? Почти наверняка! – убежденно отозвался молодой стигиец. – В общем, не стану тебе пересказывать все мысли, которые посетили в эти часы головы нападающих, равно как и мозги пяти магов, засевших в башне...

– Да уж, избавь меня, пожалуйста, от этих рассуждений, – согласился Конан. – Что меня интересовало меньше всего на свете, так это сложные соображения, которые терзают извращенный ум какого-нибудь колдуна. По мне так, всем им место в преисподней Зандры. Лично я так и поступаю.

– Как? – не понял Гирандо.

– Отправляю их в преисподнюю, – объяснил Конан. – Говорю тебе, это самое лучшее местечко для всякого мага.

– Ну, я как человек, который видит свой долг в уничтожении монстров... – начал стигийский воин, однако киммериец перебил его:

– Я уже понял, что ты победил парочку монстров. Продолжай рассказ. Когда ты, наконец, перейдешь к самому главному?

– А что, по-твоему, самое главное?

– Ну, сокровища, разумеется! Ты ведь собираешься наложить лапу на какой-нибудь крупный красивый камешек? Или они закопали там монеты?

– Знаешь что, давай-ка все по порядку. Сперва я расскажу тебе все, что знаю, а потом уже будем решать, стоит ли вообще ввязываться в это дело, – рассудительно проговорил Гирандо.

– Сдается мне, ты уже в него ввязался, – заметил Конан.

– Может быть... Но у меня, возможно, есть на то свои причины, – не стал отпираться Гирандо.

– У меня тоже есть причины, – сказал Конан. – И главная из этих причин – я очень люблю деньги.

– А для чего тебе деньги? – полюбопытствовал молодой стигиец.

– Для всего! – отрезал киммериец. – Я люблю красивых женщин, люблю, чтобы они были красиво одеты, чтобы от них хорошо пахло, чтобы на пальцах у них блестели побрякушки и чтобы эти красивые женщины меня ласкали! Я люблю хорошую еду, добрых лошадей, мне нравится оружие... Да мало ли для чего могут потребоваться деньги! – рассердился он вдруг, сообразив, что стигиец, слушая его, улыбается все шире. – Ты вздумал надо мной насмеяться, а?

Ты полагаешь, что ты, такой цивилизованный, сумел бы распорядиться деньгами лучше?

– Возможно, – сказал Гирандо. – Но у меня другая причина. В этом рубине...

– Ага! – хищно возликовал Конан. – Итак, речь идет о рубине. Большом?

– Очень. В этом рубине Мутэмэнет прячет душу моего брата.

– Ну надо же! А с рубином ничего не случится после того, как мы извлечем эту душу? – забеспокоился Конан. – Может быть, освободив душу твоего брата из заточения, мы испортим камень, и он не будет больше стоить ни гроша?

Однако увидев, какое лицо сделалось у его собеседника, Конан перестал смеяться. – Я тебя понял, – сказал он серьезно. – Тебе нужен рубин. Мне он тоже нужен. Когда мы покончим с Мутэмэнет, ее змеенышами и этими зверолюдьми, то заберем камень и поделим его поровну. Тебе – душу, мне – все остальное.

– Я расскажу тебе все по порядку, – опять проговорил стигиец. – И тогда уже будем решать, кому что достанется. Дело куда сложнее, чем тебе кажется, с'тарра были повсюду. Когда маги поняли, что дело плохо, было уже поздно. Кругом они видели оскаленные пасти и обнаженные кинжалы. Башни дрожали и шатались, с'тарра в силу своей полузмеиной природы отлично умеют копать норы. Они вгрызались в землю, прорывали в ней сотни ходов. Все кругом тряслось и дребезжало. Не было никакого смысла сражаться с врагом магическими средствами – это только ускорило бы падение башен.

Поэтому маги поступили иначе.

Они заперлись каждый у себя и принялись призывать к себе на помощь духов своей стихии. Все вокруг башен пришло в движение – облака, деревья, поднятые в воздух ветки, огненные смерчи... Нам с тобой даже трудно себе представить, что там началось. Из Башни Воды под огромным напором вылетели, разламывая стены, водные духи. Мощные струи разрывали кладку, скреплявшую камни, как будто это была бумага, и устремлялись ввысь. На гребне этих фонтанов восседали странные полупрозрачные существа с перепончатыми лапами и выпученными глазами. Каждое из них вооружено трезубцем. Из их груди вырывалось странное, утробное пение, от которого – можешь мне поверить! – стынет кровь в жилах любого живого существа.

Башню Огня охватил столб пламени. Сперва он устремился ввысь, к небу, но затем изогнулся и опустился к подножию башни. Точно согнутый указательный палец, он преследовал и придавливал к земле расползающихся с'тарра. Там, где он прикасался к их

плоти, оставалась только лужица черной дымящейся жидкости. Вся трава вокруг была выжжена, а среди облаков быстро понесся густой темный дым.

– Представляю себе, как там воняло! – сморщился Копан. – Ненавижу змей и всех их змеиных божков!

– Я бы на твоём месте не радовался, – остановил его стигиец. – Расправляясь с человекозмеями, маги вызвали сюда, в наш мир, куда более отвратительных существ. Лучше бы уж все оставалось как есть. По крайней мере, тогда каждый сидел в своём лесу или замке и никого не трогал, а теперь все они свободно разгуливают по юго-восточной Стигии, и нет от них спасения.

Из Башни Воздуха с бешеной скоростью начали вылетать различные предметы. Как будто из огромной невидимой пращи кто-то запускал в нападающих подсвечники, креслами, ложами для отдыха, табуретами, подголовниками, статуями – словом, всеми предметами обстановки, какие только попадались. Так сражались духи воздуха.

Что касается Башни Земли, то здесь тоже было на что посмотреть. Из-под невысокой скалы, на которой она стояла, вдруг послышался низкий угрожающий гул. Сразу вслед за тем в воздух взметнулись большие камни, куски слежавшейся земли и обломки скалы. Они поднялись наверх и начали кружиться, медленно складываясь в огромных великанов.

Эти великаны были медлительны и не слишком умны, но там, где их гигантская стопа опускалась на землю, оставалась глубокая вмятина, и немалое число нападающих размазаны были по траве.

– И снова – жуткий запах! – хмыкнул Конан. – Твой рассказ, дружище, явно нуждается в том, чтобы его спрыснули благовониями. Как насчет красавицы Мутэмнет, от которой, судя по твоему описанию, так чудесно пахло помадами и притираниями? Чем она занималась, пока ее глупые сынки крушили все вокруг, призывая на помощь духов подвластных им стихий?

– Ты прав, древняя, но вечно юная мага не теряла времени даром. Хорошо зная нрав и способности своих сыновей, она заранее покинула башни. Естественно, прихватив с собой несколько важных предметов. Подозреваю, что рубин также до сих пор хранится у нее.

– Стоп, – сказал Конан. – Не так быстро. Давай-ка зайдем немного с другого бока. Кем был твой брат и каким образом его душа оказалась в рубине?

Молодой стигиец замолчал, прикусив губу. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. И Конан не ошибся, предположив, что главной темой раздумий его собеседника был он сам, киммериец. Стоит ли доверять случайному спутнику, с которым недурно было провести вечерок на постоялом дворе? То есть, конечно, Гирадо уже доверился ему – но не до конца... не до самого конца. Однако теперь, похоже, придется выкладывать ему все.

– Мой отец был женат несколько раз, – нехотя начал молодой охотник за монстрами. – Понимаешь, о чем я говорю?

– О женитьбе. Старикан был охоч до хорошеньких бабенок, – сказал Конан и рыгнул.

– В принципе, ты прав... Я – младший сын его самой последней жены, – сказал Гирадо.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! – рассердился стигиец. – Что ты все время поддакиваешь?

– А разве не так принято у цивилизованных людей? – удивился Конан. – Ну хорошо, я буду молчать.

– Ты же видишь, что мне трудно рассказывать! – проговорил Гирадо. – История... не из самых красивых. Ты кажешься мне человеком надежным... если только ты не монстр, который прикидывается человеком ради того, чтобы вы

ведать все мои тайны...

Тут лицо стигийца изменилось. Брови сдвинулись, глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Он лихорадочно пробежался пальцами по своему поясу и наконец, нащупал нужный амулет.

– Ну-ка, – пробормотал молодой человек. – Сейчас, сейчас...

– Что там у тебя? – удивился Конан. Поведение стигийца так его насмешило, что он даже не стал ничего говорить насчет «монстра».

– Знаешь, монстры бывают очень коварны. У меня уже был опыт общения с ними. Один из них обладал магической силой и умел отводить глаза. Притворится благожелательным человеком, женщиной или стариком, к которому ты чувствуешь расположение, выведает все твои тайны, а потом...

– Но ведь ты одолел его? – фыркнул киммериец. – Чего же тебе бояться?

– Я и не боюсь! – Гирадо показал Конану странный предмет, оправленный в серебро. – Это магический зуб дракона. Если бы ты не был тем, кем выглядишь, он засветился бы красным...

– Но я – тот, кем выгляжу? – поинтересовался киммериец. – Дело в том, что я давно не смотрелся в зеркало. Сам-то себе я кажусь довольно привлекательным. Добавлю, что несколько симпатичных женщин вполне разделяли мое мнение, но ты можешь с ними не согласиться.

– Ты – тот, кем выглядишь, – твердо сказал стигиец и убрал магический зуб (если только этот предмет действительно обладал магической силой). – То есть бродягой-варваром, любопытным, жадным и незлым.

Услышав эту характеристику из уст уроженца Стигии, Конан сжал зубы.

– Насчет «незлого» я бы не спешил, – предупредил он.

– Мой отец имел старшего сына от старшей жены, – вернувшись к прежнему повествовательному гону, заговорил опять Гирадо. – Этот брат старше меня почти на тридцать лет. Понимаешь?

Такое случается, – сказал Конан. – Там, где я родился, жил один старикан, и вот однажды ему взбрело в голову жениться на старости лет... – Он засмеялся. – В общем, не помню, что там вышло у него с женой, но история получилась забавная.

– Помнишь, я говорил тебе о конюхе? О том бравом парне, который сделал маге ее сыновей, а потом куда-то исчез?

– Да. Отчаянный человек этот конюх.

– Это и был мой старший брат, Гамбоа. Я знаю, куда он делся. Его тело лежит в подземелье, под Башней Огня, а душа заключена в большом рубине. Я должен вызволить моего брата! Должен любой ценой!

– Насколько я понимаю, – медленно произнес Конан, – вы с ним даже не были знакомы.

– Это неважно. Он мой брат, в наших жилах течет одна кровь... И через него мага может завладеть и мной, если пожелает, – упавшим голосом произнес стигиец.

Конан двинул бровями, пошевелил губами, заглянул в кувшин – вина там больше не оставалось, – и наконец сказал:

– Понятно. Что ж, решение принято. Я буду тебе помогать. А у тебя нет больше никаких тайн, которые имеют отношение к этому приключению?

– Нет, это последняя. Рассказывать дальше?

– Валяй.

Конан откинулся к стене, вытянул ноги к угасающему очагу и приготовился слушать дальше.

– Как ты понимаешь, наделать ошибок в состоянии, решительно все, даже могущественные и хитрые маги. Что уж говорить о Мутэмэнет, которая была всего-навсего женщиной, подверженной смене настроений и к тому же отчасти зависящей от сыновей? Она торопилась и впопыхах совершила немало промахов. Среди них были и очень существенные.

В результате активности магов четырех стихий на землю вырвалось множество монстров. Среди них – адские псы и саламандры, которые пожгли все деревни и леса на много миль вокруг. Я был там, на том самом месте, где стояли башни стихий. Ничего. Выжженная голая земля. И лес Вио погиб. Не знаю, сохранились ли с'тарра – может быть, некоторые из них сумели уползти и скрыться; но старое их убежище уничтожено до

последнего кустика, до самой малой травинки.

Останки четверых сыновей Мутэмэнет были найдены и погребены в хрустальном саркофаге. Его отвезли в Луксур – стараниями их матери. Красавица-мага даже не пыталась сделать вид, что сильно скорбит. Надо полагать, она считала своих сыновей не слишком удачным экспериментом. Поспешность, как известно, часто вредит. Так что теперь она намерена рожать себе новых детей, одного за другим, не дробя их натуру. Более тщательно, так сказать.

Я подозреваю, что для этого ей опять понадобится мой брат, ее спящий супруг, чьей душой она владеет безраздельно.

– Как ты думаешь, – спросил вдруг Конан, задумчиво покусывая лезвие кинжала, – какие сны снятся – ему в этом магическом забытьи?

Его собеседник содрогнулся.

– Мне даже страшно представить себе это, – сознался он.

– А мне нет, – сказал варвар. – Если эта женщина, эта мага, такая красивая и сладострастная, хочет использовать его в качестве отца для своих детей, то наверняка она насылает ему приятные, сладостные сны, в которых является ему как желанная супруга.

– Может быть. Все может быть, – нервно согласился стигиец. – Меня это сейчас мало занимает. Стигия охвачена бедствием. Местные землевладельцы воюют друг с другом из-за жалких клочков земли, мелкие маги повынимали из сундуков волшебные предметы и принимают сторону то одного, то другого соперника. Адские духи бродят по земле. Сет ликует – кровь льется ручьями, жертвы ему так и падают в пасть. Стигия – такая земля, где исстари прославляется зло, поэтому остановить войну здесь труднее, чем где бы то ни было. Но поверь мне, в Стигии живут не одни только маги!

– Да верю, верю, – согласился Конан. – Глядя на тебя, дружище, я готов поверить во что угодно.

Стигийский воин вопросительно поднял бровь, не зная, как относиться к этой фразе. Во всяком случае, Конан явно не хотел его обидеть. В глубине души киммериец немного потешался над этим низкорослым и довольно щуплым человечком, который считал себя настоящим воином, чье призвание – сражаться против монстров. Как истинный стигиец, Гирандо был суеверен и ничто не могло поколебать его твердой веры в действенность различных талисманов и амулетов. И все же было в нем что-то симпатичное.

Конан сказал:

– Будет тебе обижаться и подозревать меня. Рассказывай дальше.

– По ночам толпы злобных существ бродит, по земле. Полупрозрачные убийцы проникают в дома. Везде царит страх. Этих существ выпустили на волю злополучные маги, мои... мои племянники. – Последнее слово он выговорил не без труда, кривя рот и хмурясь. Конан хлопнул его по плечу.

– Да, друг, тебе не позавидуешь.

Существует способ загнать всех этих монстров обратно, туда, откуда они явились. Об этом позаботилась Мутэмэнет. Мне понадобилось немало времени и денег, чтобы вывести это у разных магов. Слухи, сплетни, кто-то что-то видел... В основном, конечно, слуги – эти знают куда больше, чем принято думать. Некоторые из прислужников в Луксуре вполне могут преподавать в магической академии – если бы таковая существовала, так много известно им об искусстве повелевать стихиями, силами тьмы и света.

– Я тоже умею повелевать разными силами, – сказал Конан. От съеденного и выпитого, от теплого очага и покоя его постепенно начало развозить. – Например, силой моего меча, силой кулака... или силой... чего-нибудь еще.

– Идем спать, – с досадой проговорил Гирандо. – Ты уже не слушаешь. Завтра – в путь, если ты согласен.

– Конечно, я согласен, – пробормотал Конан, устраиваясь прямо на полу возле очага. – А куда мы отправляемся? Ты так и не сказал мне этого, маленький стигиец...

Спустя мгновение он уже храпел во всю мощь своей богатырской глотки.

В своем роскошном дворце расхаживала взад-вперед мага Мутэмэнет. Мрачные мысли не давали ей заснуть. Старый замысел рушился на глазах. Несколько сотен лет она потратила на изучение заклинаний, искусства составления зелий, способов заключения сущностей в непроницаемую оболочку – своего рода тюрьму, откуда они не в силах вырваться. Трудность состояла еще в том, что большинство формул были созданы магами-мужчинами и использовали при своей реализации мужское естество; маге Мутэмэнет предстояло проделать немалую работу по переводу этих заклинаний в женскую ипостась. Она совершила немало пробных работ и наделала кучу ошибок. Искалеченные, ни на что уже не годные духи, которых она вызывала из небытия, навеки были заключены ею в различные темницы – для этого использовались полудрагоценные камни. Из прозрачных граней хрусталя глядели на мага ненавидящие глаза пленников. Однако она обращала на них мало внимания.

Несколько десятков лет из трущоб Луксура пропадали люди. Обычно это были нищие, бродяжки, попрошайки или дамы весьма легкого поведения. Никто их не разыскивал, никто не интересовался их судьбой, А напрасно. Если бы стала известна участь, хотя бы одного из этих несчастных, многие в Луксуре содрогнулись бы и, возможно, приняли меры – пока не стало слишком поздно.

Тела этих людей так и не нашли. Мудрено – мага самолично грузила их на телегу и увозила к реке, где благодарные крокодилы уже заранее разевали зубастые пасти. А души, извлеченные ИЗ тел при помощи дьявольских заклинаний, помещались в особые темницы. Если для духов достаточно было обыкновенного хрусталя, то человеческая душа оказалась куда более сложной и сильной вещью. Хрусталь не мог удержать её; лопалось И стекло. И даже железо и медь гнулись под ее напором. Для Мутэмэнет это было открытием, и она не преминула записать его в колдовскую книгу, где всегда оставалось несколько чистых страниц, чтобы каждый новый маг, ею владеющий, мог продолжать труды своих предшественников.

Даже души слабосильных калек, что выпрашивают монетку возле храмов Сета. Даже эти душонки оказались достаточно сильными, чтобы разорвать хрустальные путы и доставить пленившей их маге много неприятных минут. Поэтому она прибегла к драгоценным камням.

«За что ценят драгоценности? – размышляла она в те дни, выводя изящные письмена на чистых папирусных страницах, плотных и шероховатых, приятных для прикосновения пера. – За красоту? Но это смешно! Что есть красота вне власти? Одно лишь дуновение ветра! Достаточно небольшого изъяна, чтобы погубить ее, настолько она мимолетна. Один крохотный скол на отшлифованной грани – и все, красота погублена.

Нет, драгоценные камни ценны именно тем, что они дают власть. Власть над людьми, которые превыше всего ставят деньги. Власть над душами, ибо только драгоценный камень достаточно прочен, чтобы удержать внутри себя человеческую душу, изъятую из тела и не убитую, не отпущенную к богам на их вечное судилище...»

Первым, по-настоящему удачным опытом, стал для Мутэмэнет верзила-конюх, сильный и красивый мужчина, которому она доверила свое тело. Соблазнить его было легко. Прекрасная таинственная женщина, закутанная в черное покрывало, несколько раз прошла мимо лошадей, которых чистил этот мощный человек, полюбовалась статьями животных, а затем приподняла край покрывала и устремила на мужчину долгий взгляд больших, подведенных синей краской глаз.

– Какие изумительные кони! – проговорила она медовым голосом. – Хотела бы я покататься верхом на одном из них!

– Это кони моего отца, – похвастался конюх.

– Ты служишь своему отцу? – удивилась женщина. – Разве нет у него слуг?

– Слуг у него достаточно, моя госпожа, но этих лошадей он может доверить только своей плоти и крови, – отвечал мужчина.

– У меня тоже есть одна лошадка, которую я могу доверить лишь близкому человеку, –

проговорила женщина. – Не хочешь, ли взглянуть на нее?

И он оставил все – и отцовский дом, и отцовских лошадей, и пошел за нею следом, чтобы взглянуть на эту лошадку.

И пропал навсегда.

Много потребовалось времени, и сил, чтобы узнать, что с ним случилось. Расспрашивали на рынках и на улицах; подкупали стражников, давали деньги перепуганным нищим, которые старались обходить квартал, где стоял дворец Мутэмэнет, стороной. Прибегали даже к, помощи ясновидцев. И лишь спустя много лет, когда стал взрослым последний из сыновей старика, семье стала известна участь старшего сына.

Он провел с красавицей немало времени. Они не покидали ее шелкового ароматного ложа ни днем, ни ночью. А потом однажды он пробудился и обнаружил, что не может пошевелиться. Вокруг колыхалась красноватая мгла. Время от времени ее пронизывали тонкие золотые лучи света. Если они попадали в глаза, то ослепляли его, и он жмурился, но отвести взгляда не мог.

Искаженная гранями, мелькала иной раз сама Мутэмэнет, но чаще всего он видел вазу с изображенным на ней змеем, пожирающим женщину, и край большого ложа с изголовьем в виде совокупляющихся грифонов.

Он был в плену, Мутэмэнет ничего не стала ему объяснять. Он не знал, куда она спрятала его тело. Тела у него больше не было, только душа, бессонная и страдающая. Ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полную грудь весеннего воздуха, полного запахов – пыли, жареного мяса, зацветающих деревьев, гниловатой воды из старого пруда... Хотелось обхватить руками полный стан торговки овощами, которая всегда смеялась и отмахивалась, называя его проказником. Хотелось услышать голос отца, прикоснуться к лошадиной гриве. Но ничего этого больше не существовало для пленника. Он заточен в рубине. Сама мысль об этом казалась дикой и странной.

Мутэмэнет не разговаривала с ним, когда заходила в эту комнату, Он перестал для нее существовать.

Он забыл свое имя. Постепенно он забыл все.

Когда духи стихий вырвались на свободу, Мутэмэнет поняла, что ее дело плохо. Она готовила этот переворот не одно столетие. Она родила сыновей, обучила их власти над стихиями. Она собиралась захватить храм Сета и сделаться первой и единственной жрицей темного бога, чтобы иметь с ним установить господство над Стигией, а затем распространить его далее, на территории сопредельных государств. Давно следовало заставить черных людей чтить крокодила и змея так, как, чтут этих зверобогов стигийцы.

А теперь...

Она металась по комнатам. Из рубина наблюдал за ней пленник, У него был бесстрастный вид, и неожиданно это рассердило Мутэмэнет. Приблизившись к рубину, она – впервые за все эти годы – заговорила с ним.

– Кажется, тебе все равно! – закричала мага. – Кажется, ты так и не узнал, какую роль сыграл в приближающейся гибели королевства!

Пленник молчал.

– Ты хоть помнишь, кто ты? Ты помнишь свое имя? Тебя зовут Уррутия! Помнишь? Помнишь, как называла тебя этим именем твоя мать, Уррутия? Она мертва! Твой отец взял себе другую жену, Уррутия! Ты слышишь меня?

Он ее слышал. Он, молча, смотрел на нее немигающими глазами и думал о чем-то своем, а вокруг колыхалась рубиновая мгла, где изредка вспыхивали золотистые искорки. Таким было небытие для любовника Мутэмэнет. Все, что происходило снаружи, не имело смысла.

А она кричала, топая ногами, так что полупрозрачные разноцветные одеяния развевались вокруг нее, как будто вся она была объята пестрым пламенем:

– У тебя было четверо сыновей, Уррутия! Я родила их от тебя, ты слышишь меня, ничтожный дурак? Я родила от тебя четверых прекрасных сыновей, и все они были магами,

умевшими повелевать каждый своей стихией! Они мертвы, я потеряла, мы потеряли их! Ты нужен мне, дурак, мне нужны новые сыновья. Теперь я не совершу ошибки и произведу их на свет, как положено, одного за другим, а не всех разом.

Уррутиа почти не слышал ее. Она говорила о каких-то сыновьях, но он ничего не знал об этом. Он их никогда не видел. Если они и существовали, то никогда не заходили в комнату, где Мутэмэнет прятала свой рубин.

В ярости мага плюнула на драгоценный камень. Уррутиа чуть поднял взгляд и молча смотрел, как она выбегает вон. Плевок расползлся по граням, мешая пленнику видеть.

– Откуда ты все это знаешь – про четвертинки медальона, про то, о чем думала мага, когда разделяла их и раздавала на сохранение разным существам? – недовольно ворчал Конан, седлая коня.

Его спутник невозмутимо развешивал по сбруе своей лошадки амулеты и обереги.

– Если бы ты родился в Луксуре, – начал Гирадо торжественным тоном.

– Хвала Крому, моя родина находится вдали от этого адского гнезда! – взревел Конан, пугая лошадь.

– Не следует так кричать и горячиться, – поморщился Гирадо. Втайне он завидовал огромному киммерийцу. После вчерашней выпивки у маленького стигийца побаливала голова, а вот северянин-варвар выглядел так, словно никакой попойки вчера и в помине не было.

– Ладно тебе – сказал ему Конан примирительно. – Рассказывай. Это я так – просто дивлюсь, как много может знать человек, с виду самый обыкновенный.

– Я ведь непросто воин, – пояснил Гирадо. – Я потратил почти всю жизнь на то, чтобы научиться понимать магов и монстров. Только так можно уничтожить их

– А можно просто уничтожать, – себе под нос проговорил Конан. – Бац – и уничтожать. Без всякого там изучения.

Он уселся в седло, поправил меч за спиной.

– Ты готов ехать, Гирадо? Остальное расскажешь по дороге.

– Остальное? Да я даже не начал, – возмутился Гирадо, также садясь в седло. Они выехали с постоялого двора бок о бок, и трактирщик долго качал головой, глядя им вслед: больно уж не похожими казались эти два спутника, огромный северянин и маленький верткий южанин. И куда только они направляются?

– Сначала стоит посетить озеро Тоа, – говорил стигиец. – Поверь мне. Оно расположено в горах. Вода там ослепительно синяя. Очень красивое место. И немного зловещее.

– Хм, – произнес Конан.

– Да, да, – горячился Гирадо. – Мага с самого начала знала, что сыновья ее ущербны. Она пошла на это, потому что утратила терпение. Терпение – главная добродетель всякого мага.

– У магов не бывает добродетелей, – проворчал Конан.

– Ты понимаешь, что я хотел сказать! – укоризненно молвил Гирадо. – Слушай и не перебивай. Мутэмэнет завладела одним могущественным талисманом. Понятия не имею, где она его взяла.

– Хоть чего-то ты не знаешь.

– Ну ладно, открою тебе еще один секрет.

– А говорил, что больше секретов нет, – укорил приятеля Конан.

– Важных – нет. Этот – неважный... Я несколько лет обучался магии. Специально, чтобы лучше понимать магов.

– И монстров, – вставил Конан.

– Амулет, – повторил Гирадо, – обладает большим могуществом. В незапамятные времена его изготовили жрецы. Говорят, им помогал сам змей Апоп. Этот амулет позволяет своему обладателю повелевать духами четырех стихий, Мутэмэнет разделила его на четыре части и каждую из них спрятала в надежное место. Думаю, она опасалась, что если ее

сыновья завладеют – каждый своей частью амулета, – то сладу с ними уже не будет. Маги никому не доверяют, когда речь заходит о сохранении их могущества и власти, даже собственным сыновьям.

– И правильно делают.

– Теперь сыновья Мутэмэнет мертвы, а духи свободно гуляют по стране и творят свои бесчинства. Сам Сет, как поговаривают, недоволен. Жрецы непрестанно приносят ему кровавые жертвы. Страна трясется от ужаса.

– Ты знаешь, дружище Гирадо, – задумчиво молвил Конан, – мне почему-то кажется, что Стигия постоянно трясется от ужаса. Как можно жить в стране, где поклоняются Злу?

– Я уже говорил тебе, что в Стигии живут не одни только злые маги, но и самые обыкновенные люди. Они родились на этой земле, и принадлежат ей плотью и душой, – обидчиво возразил Гирадо. – Одна часть амулета находится в Луксуре – подозреваю, та, которая повелевает стихией земли, Она самая медлительная и с виду мирная, но когда разбушует, то становится

самой опасной. Поэтому Мутэмэнет не выпускала ее из рук. Воздушная часть хранится у Мемфиса.

– Это еще кто? – нахмурился Конан.

– Серебряный дракон, – невозмутимо ответил Гирадо. – Огненная часть – под землей, у маленького горного народа магмонов.

– Впервые слышу о таких.

– И не услышал бы, если бы мы не повстречались, – заверил Конана Гирадо. – Предками магмонов были лемурийцы. Когда в мире произошли перемены, магмоны отделились от основной части своего народа и отправились сюда, в эти земли. Спустя сотни лет здесь образовалось королевство СТИГИЯ, а прежде земля была пуста. Магмоны невзлюбили все новое, что начало образовываться вокруг них после гибели Атлантиды и Лемурии и, чтобы не видеть света нового солнца, навсегда скрылись под землей. Сейчас это низкорослые смуглые люди, рудокопы. Они почти никогда не выходят на поверхность, и найти их селение почти невозможно.

– Но ты, конечно, знаешь, где оно, – предположил Конан.

– Во всяком случае, я – единственный, кто сумел бы отыскать к ним дорогу, – не стал спорить Гирадо. – Кроме Мутэмэнет, конечно.

– Ну ладно, – сказал Конан, – говори лучше, с чего мы начнем?

Озеро они увидели издалека. Оно лежало в ладонях гор, как драгоценный голубой камень. Свет переливался на его гранях, небо над ним казалось более синим, чем над горными пиками.

– Если поехать отсюда дальше на восток, то будет город Алкменон, – объяснил Гирадо. – А наш путь – дальше на север и потом на запад, к Луксуру.

Они повернули коней и начали подниматься по горной тропе. Местность нравилась Конану. Серо-коричневые скалы, овеваемые ветрами, были почти лишены растительности, лишь низкие кусты с причудливо изогнутыми ветвями, да скудные пучки травы выживали здесь, под ветром и палящим солнцем,

На некоторых кустах Конан заметил ягоды, но рвать их поостерегся: в Стигии, как не без основания полагал киммериец, почти всякий плод может оказаться ядовитым.

Озеро то мелькало перед ними, яркое и желанное, то исчезало, скрытое за кулисами гор. Наконец тропа расширилась и вывела их на самый верх. Отсюда, с перевала, открывался величественный вид на горы и бескрайнее небо, усеянное облаками, такими густыми и плотными на вид, что они казались островами, плывущими над землей. Прищуриль зоркие глаза, Конан высматривал между высокими пиками город Алкменон, последний большой город Кешана перед границей со Стигией. Иногда луч солнца падал так, что киммерийцу казалось, будто он различает – там, далеко впереди, – славные башни и купола над дворцами... Но потом солнце скрывалось за мимолетно пролетающим облаком, и видение пропадало.

– Нам сюда, – сказал Гирандо, указывая на озеро.
– Мы пришли, – отозвался киммериец, спешиваясь, – Где он живет, этот твой маг, у которого находится водная часть амулета?

– Да не амулета, а талисмана, – поправил Гирандо.

– Не вижу такой уж большой разницы! – фыркнул Конан.

– Поверь мне, разница есть, и существенная, – пустился было в объяснения Гирандо, но киммериец прервал его:

– Избавь меня от разговоров о колдовстве, дружище! Ты убиваешь монстров по науке, а я разделяюсь с ними по-свойски.

– В данном случае тебе придется положиться на мои знания, – возразил Гирандо и, порывшись в сумочках, висевших у него на поясе, извлек оттуда маленький пузырек. – Здесь содержится очень полезное зелье. Оно поможет нам с тобой дышать под водой. Нужно будет, правда, поторопиться, потому что действие зелья ограничено. Если мы не успеем выбраться на поверхность до того, как оно закончится, мы с тобой оба утонем.

– Мы? – спросил Конан. – Ты хочешь сказать, что мы сейчас наглотаемся этой штуки, а потом нырнем под воду и будем там дышать, как две проклятые рыбы?

– Приблизительно так, – улыбнулся Гирандо. – Поверь мне, я знаю, что делаю. Эта штука опробована.

– Именно эта или ей подобная? – уточнил Конан.

– Клянусь тебе, я плавал под водой и дышал. Нас учили этому в стигийской школе магии при святилище...

Гирандо запнулся.

– При каком святилище? – нахмурил брови киммериец.

– При святилище Сета! – с вызовом ответил маленький стигиец. – Насколько тебе известно, в Стигии нет другого святилища. А у твоего Крома вообще нет святилища.

– Ему и не нужно, – важно возразил киммериец. – Каждый уроженец Киммерии сам по себе святилище Крома. И если он умирает с оружием в руках, посреди славной битвы...

– Хватит! – оборвал Гирандо. – Я знаю основы твоей веры.

– Откуда? – поразился Конан.

– От тебя! – ответил молодой стигийский воин. – Хлебнув вчера доброго вина, ты довольно долго ревел боевые песни своего народа.

– Что-то я этого не помню, – с подозрением сказал Конан.

– Зато я помню. На вот, глотни. Только оставь мне, иначе я не смогу отправиться на дно вместе с тобой. Глотай осторожно.

Конан лизнул несколько раз горлышко пузырька, потом сморщился и сделал два маленьких глоточка.

– Гадость, – сказал он.

– Никто не говорил, что будет легко и приятно, – отозвался Гирандо и быстро допил зелье. – Теперь – за мной. Под воду. И дыши, не бойся. У тебя будет время привыкнуть. Нам нужно опуститься на самое дно и отыскать подводный город Оссу.

Поначалу Конан не мог даже заставить себя открыть глаза. Ему, конечно, доводилось плавать, но чтобы вот так, как рыба...

Наконец он решился и приподнял веки. Сквозь ресницы он видел рядом с собой извивающуюся темную тень – Гирандо. Стигиец плыл быстро и уверенно. Под водой, где было мало света, он напоминал змею. На мгновение Конан усомнился в своем новообретенном приятеле. Все-таки он родился в Стигии. Мало ли что он говорит о себе – воин, победитель монстров... Это любой может сказать. А сам учился магии. И в амулетах разбирается, и в зельях... Может быть, убить его, пока еще не поздно...

Но тут легкие Конана начали гореть, требуя кислорода. Несколько мгновений он еще терпел, боясь наполнить их водой и погибнуть, а затем не выдержал и сделал первый вдох. И... ничего. Зелье сработало. Кислород, содержащийся в воде, наполнил легкие, а смертоносная влага сама собою вышла через нос и рот. Конан увидел пузырьки,

поднимающиеся энергичным столбом над его головой. «Чудеса!» – подумал киммериец. Ему понравилось плыть под водой и дышать. Пузырьки смешно щекотали его уши и шею, когда он кувырвался.

– Не потеряй меч, – пробулькал рядом голос Гирандо

Конан схватился за ножны рукой – и вовремя. Под водой все было не так. Ножны едва не соскочили с плеча. То, что на земле было тяжелым и надежным, здесь неожиданно обрело зыбкость.

– Туда, – Гирандо указал рукой на темную громаду, которая постепенно стала вырисовываться под ними на дне озера. Тонкие солнечные лучи, пронзая водную толщу, добирались даже досюда. В их золотистых лезвиях можно было видеть, как танцует взвесь, как плавают маленькие водоросли, а то вдруг мелькала стайка потревоженных пестрых рыбок. Интересно, водятся ли здесь хищники – морские змеи или акулы, подумал Конан. Как будто прочитав мысли своего спутника, Гирандо булькнул над ухом Конана:

– Будь осторожен. Здесь есть змеи.

– Большие? – широко разевая рот и выпуская гигантские пузыри, осведомился киммериец.

Гирандо развел руками, показывая что-то чудовищное.

– Тело? – спросил Конан,

Гирандо помотал головой. Его волосы извивались в воде.

– Пасть! – ответил он.

Как будто услышав, что говорят именно о нем, какое-то громадное существо, закопошилось среди водорослей. Вскоре Конан заметил два светящихся глаза, которые пристально наблюдали за плывущими.

Кто-то явно готовился к атаке. Хотелось бы знать, чем питается эта громадина? Неужели маленькими рыбками, вроде тех, что только что проплыли мимо? В таком случае, сколько же рыбок оно съедает в день?

На дальнейшие раздумья отвлеченного характера времени уже не осталось: чудовище испустило глухой вой, странно отозвавшийся в водной толще, и бросилось в атаку. Вода тотчас помутнела, ил, взбитый могучим хвостом чудовища, поднялся и завертелся вокруг сражающихся. Почти и полной-темноте Конан наносил мечом ответные удары. Зубы лязгали, как казалось, сразу отовсюду. Смертельная опасность грозила со всех сторон.

Гирандо, плавая вокруг, произносил какие-то невнятные заклинания и сыпал порошки. Постепенно илистую мглу заволокло разноцветными нитями растворяющихся зелий. То зеленое, то красное, то желтое проплывало мимо, свиваясь в кольца и постепенно расходясь среди мельчайших, частиц ила. Несколько раз Конан чувствовал, как его меч задевает живую плоть, и молился богине-воительнице Белит, которая столько раз помогала ему и его пиратам в морских сражениях, чтобы сейчас она уберегла Конана-Амру от неприятности убить по ошибке не монстра, а Гирандо. А это вполне могло произойти. Ослепленный, с замедленными движениями, Конан наносил удары наугад. Гирандо вертелся где-то совсем близко. И если под меч попадет он, то несладко ему придется. Конан разил со всей силы, надеясь покончить с монстром побыстрее – во всяком случае, прежде чем закончится действие зелья, позволяющего ему дышать под водой.

Третий удар. Четвертый. Что-то острое царапнуло по руке, но боли Конан не почувствовал. Поднялась страшная вонь, и все заволокло бурой. Кровь, понял киммериец. А воняет потому, что рассечен кишечник.

Варвар испустил победный вопль и тотчас пожалел об этом – его рот заполнился отвратительной жидкостью. Отплеываясь и откашливаясь, он поскорее поплыл прочь. Вскоре вода вокруг снова стала прозрачной. Оглянувшись, Конан увидел, как вдали клубится что-то темное, неприятное. То и дело из этой бесформенной массы показывалось нечто длинное. Конан не мог разобрать, что это было, – хвост или лапы, а может быть, усы? Во всяком случае, там бился в агонии огромный морской монстр. Теперь, по крайней мере, рыбки вздохнут спокойно, подумал Конан и сам улыбнулся этой неуместной шутке.

Гирадо оказался цел и невредим. Он невозмутимо плыл рядом с варваром. На лице молодого стигийца бродила улыбка. Конан вдруг понял, что этот паренек на полном серьезе считает победителем морской твари себя. Что ж, оставим его в этом убеждении, подумал Конан. Какая разница! Когда их пути разойдутся, каждый будет рассказывать свою версию этой истории, и никто не будет внакладе.

Подводный город открылся им вскоре. Это было совсем небольшое поселение, но каждое здание в нем представляло собой истинное произведение искусства. Возведенные из тонких полупрозрачных камней разного цвета, – красных, синих, желтых, фиолетовых, – они обладали причудливой формой, какую можно иногда видеть у коралловых зарослей. Одни здания были похожи на актиний, цилиндрические, с тонкими башенками на крыше. Другие напоминали кораллы – круглые или древовидные. Комнаты-сферы крепились к «веткам» этих подводных «деревьев», точно плоды, и внутри можно было разглядеть миниатюрную мебель, картины, светильники – эти были живыми и медленно плавали по всему помещению.

Обитатели подводного города, крошечные тритоны с человеческими личиками, даже не заметили пришельцев. Те были слишком велики для них, так что тритоны замечали только руку или прядь волос, но никак не целую фигуру проплывающих мимо Конана и Гирадо.

– Они не нападут? – спросил Конан, стараясь булькать потише. Ему не хотелось убивать этих крошек. Одно дело – свирепый морской змей с пастью, которая была больше размаха рук, совсем другое – малютки-тритоны, которых он мог передушить двумя пальцами.

– Нет, – ответил Гирадо. – Они нас даже не заметят. Если, конечно, мы не начнем крушить их дома. А нам придется это сделать.

Он показал на одно здание, которое было крупнее остальных. По форме оно напоминало многогранник. Внутри его что-то светилось голубым светом.

– Это их хранилище. Не знаю, много ли их живет здесь, но водная часть талисмана хранится именно здесь.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри. Она светится. Разве это непонятно? – Гирадо повернул к Конану лицо, и киммериец увидел, что его спутник улыбается.

– Что тут смешного? – буркнул варвар.

– Я не смеюсь, – ответил Гирадо. – Я улыбаюсь. Здесь очень красиво. С тех пор, как я узнал о существовании Оссы, я мечтал побывать здесь и увидеть ее собственными глазами. – Как будем добывать эту стекляшку? – грубо спросил варвар, – Своротим дом?

– Может быть, попробуем его приподнять? – предложил Гирадо, – Мне не хотелось, бы разрушать здесь ничего,

– Мне тоже, – проворчал Конан, – Я приподниму дом, а ты бери талисман. Раз, два. Начали!

Они спустились еще ниже, и Конан почувствовал под ногами дно. Снова поднялся ил. Дно было мягким, упираться в него оказалось неудобно.

Тем не менее, Конан наклонился, обхватил обеими руками сферу и понял, что ранит ладони об острые края, хотя боли опять не почувствовал. Под водой все было иначе, чем на воздухе, и это сбивало с толку.

– Давай! – выдохнул Конан, Огромный воздушный пузырь вздулся у него над головой и лопнул.

Он приподнял здание. Но талисман поднялся вместе со сферой. Он находился внутри. Здание было цельным и замкнутым.

– Что будем делать? – спросил Конан.

– Заберем его наверх, – сказал Гирадо. – Разобьем на берегу. Ничего не попишешь. Они рисковали, когда брали на хранение этот талисман. Теперь кое-какие из их опасений сбудутся. Такие вот дела.

– Плыдем, – сказал Конан. – Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Надо бы нам поскорее выбираться отсюда.

Гирадо принял сферу из рук Конана – под водой она казалась совсем легкой. А киммериец обнажил меч и, озираясь по сторонам, поплыл сбоку. Ему постоянно казалось теперь, когда они прикоснулись к сфере с заточенным внутри талисманом, что за ними наблюдают. Он не мог бы сказать определенно, откуда взялось это чувство. Кто-нибудь более «цивилизованный» отнес бы его на счет варварского инстинкта и пустился бы в рассуждения о том, что северянин в своем развитии недалеко ушел от дикого животного. Что ж, возможно, он был бы прав, этот умник. Хорошо только, что его не было рядом с Конаном в этот миг.

Потому что почти сразу худшие опасения киммерийца оправдались. Сильный всплеск послышался у них за спиной, едва оба спутника покинули подводный город Оссу.

– Плыви! – крикнул Конан стигийцу. – Я разберусь с ними. Не вырони сферу, понял? Не вздумай тут колдовать. Мне кажется, скоро закончится воздух...

С этими словами он повернулся навстречу всплеску.

Несколько морских змеев, чуть меньше того, что до сих пор бился в агонии в клубке крови, ила и разлитых магических зелий, настигали похитителей сферы. Конан сделал вдох поглубже, и тут его легкие наполнились водой. Он закашлялся и понял, что задыхается.

Гирадо неловко дернулся, как будто кто-то схватил его за горло. С выпученными глазами, уже теряя сознание, он сдавил пальцами какой-то пузырек, болтавшийся у него на поясе...

И тут произошло нечто неожиданное. Вода с громом расступилась. Образовалась большая сфера, полная воздуха. На дне этой сферы извивались и стучали хвостами морские змеи – они задыхались, оказавшись в чуждой им воздушной стихии. А Конан и Гирадо с трудом переводили дыхание. За шаткими стенами воздушной сферы было видно, как проплывают мимо водоросли и изумленные рыбки. Внизу, под полом, исчезал подводный город.

Над головой сияло солнце. Оно становилось все ближе. Внутри делалось все жарче и светлее.

– Мы поднимаемся! – хрипло крикнул Гирадо. – Держись, сейчас нас выбросит на поверхность!

Но сфера лопнула прежде, чем они оказались над водой. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: Конан и Гирадо с хрустальным шаром в руках доплыли без труда до берега и вывалились на песок, глотая воздух. Трупы морских змеев, вяло извиваясь, ушли на глубину.

– Что это было? – спросил Конан.

– Видимо, у сферы имелось несколько охранников. Самого большого ты зарубил мечом; но прочие, поняв, что враг проник в Оссу и завладел талисманом, решили подкараулить нас на обратном пути, – пустился в объяснения Гирадо, но Конан прервал его, махнув рукой:

– Я не об этом. Что это была за воздушная сфера? Откуда она взялась?

– Это... – Гирадо помрачнел. – Это было мое заклинание для левитации.

– Левитации? – Конан нахмурился. – Боги, сколько же у тебя заклинаний?

– Много, – скромно отозвался молодой стигиец. – Впрочем, я никогда не пробовал левитировать. Купил эту штуку у странствующего мага в одном маленьком стигийском городке. Хотелось полетать, но вот все как-то не доходилось...

– Ловко ты придумал воспользоваться этой штукой под водой! – не мог не восхититься киммериец. – Откуда ты узнал, что левитация создает дополнительный воздух? Клянусь грудями Белит, иногда от твоей глупой площадной магии бывает толк.

Гирадо потупился и покраснел.

– На самом деле я понятия не имел, что все получится именно так, – признался он. – Я раздавил этот пузырек случайно. Когда уже задыхался под водой. Но все получилось как нельзя более удачно.

И Конан не мог с ним не согласиться.

Некоторое время они просто лежали на берегу и переводили дыхание. Их лошади спокойно паслись, выщипывая остатки травы с лужка. Небо над головой казалось особенно ярким и веселым, а облака, пронизанные светом, выглядели приветливыми, словно подушки.

– Человек не создан для подводной жизни, – изрек Конан. – Человек создан для твердой земли, доброй женщины, звонкой стали и хмельного вина.

– И сытного хлеба, – добавил Гирадо. – У меня в суме лежит краюха... Только встать не могу. Ноги болят.

Они стали осматривать себя и обнаружили немало ран и ушибов, которых не почувствовали под водой. Кое-как перевязав ладонь, чтобы не кровоточила, Конан отправился к седельным сумкам. С фляжкой и краюхой он вернулся к своему спутнику. Они перекусили. И хлеб, и вода показались им особенно вкусными.

– Хорошо, жить и дышать, – не уставал радоваться Гирадо.

– Гляжу я на тебя, Гирадо, – сказал киммериец, – и начинаю верить в твои слова.

– Какие? – Гирадо блаженно вытянулся на берегу, подставляя солнцу смуглое лицо.

– Насчет того, что в Стигии живут не одни только зловредные маги. Ты – совсем нормальный человек. Если не считать того, что свихнулся на заклинаниях и зельях.

– Мы сражаемся с монстрами, – строго молвил Гирадо. – Нам не обойтись без заклинаний. Давай попробуем вскрыть сферу.

На воздухе сфера сверкала и переливалась всеми цветами, от желтого до фиолетового. Она выглядела такой красивой, что Конан невольно прикинул ее цену на рынках Аренджуна или Ианты и даже застонал сквозь зубы.

Водный талисман болтался внутри. Там булькала вода и видно было перепуганное лицо маленького тритона, который, видимо, охранял талисман – а может быть, пришел ему помолиться.

Конан поднял хрустальную сферу над головой и с силой ударил ее о камень. Раздался звон, осколки разлетелись во все стороны.

Тритон выпал вместе с талисманом на песок и отчаянно забился там. Конан подхватил его в прыжке и положил на ладонь. Существо смотрело на него страдающими глазами. Расширив рот, оно глотало воздух. Конан осторожно положил его в воду.

Несколько секунд тритон лежал неподвижно, а потом вдруг забил перепончатыми лапами, испустил какой-то странный горловой звук и исчез в глубине.

Хмыкнув, Конан повернулся к талисману. Это был обломок широкого кольца с неровными краями, довольно безобразный, на взгляд киммерийца. У талисмана имелось только одно достоинство, он был совсем маленьким. Гирадо положил его в одну из своих многочисленных сумочек и подвесил к поясу.

– Давай проведем здесь остаток дня и переночуем, – предложил Конан. – Я чувствую себя усталым. Наверное, ты тоже.

Стигиец не стал ему возражать.

Дорога вела под уклон, но от этого не была более легкой. Кони то и дело оступались. В конце концов оба путника спешили и повели лошадей в поводу, опасаясь, как бы те не повредили себе ноги.

Оба молчали. Смуглый стигиец посерел и осунулся. Конан, отличавшийся железным здоровьем, но никогда не любивший болтать попусту, не нарушал безмолвия.

Окружающие горы мало напоминали ему родную Киммерию, но все же были хороши – высокие, с острыми пиками. Кое-где вдалеке даже виден был вечный снег. Над головами, пронзительно и зловеще крича, кружил ястреб.

В конце концов Гирадо заговорил:

– Честно сказать, не знаю я, где обитает Мемфис. Я читал о нем в одной книге, но там не говорилось ничего конкретного.

– Иными словами, мы заблудились? – уточнил варвар.

– Не совсем, – возразил Гирадо. – Дракон где-то поблизости, Только непонятно, здесь или там.

– Я не верю в драконов, – сказал Конан. – Бывают, конечно, разные отвратительные твари, но чтобы дракон, да еще серебряный...

– Написано, что он приветливый и в принципе любит людей, – добавил Гирадо.

– Да, И поэтому хоронится от них в непроходимых горах, так, чтобы никто не мог его отыскать при всем желании.

– Может быть, он предпочитает одиночество. Многие мудрецы любят людей, но предпочитают одиночество, – заявил Гирадо.

Конан не нашел, что возразить.

После долгого дня утомительного пути они остановились было на ночлег, под открытым небом, прямо на камнях, – ничего другого негостеприимные горы предоставить путникам не могли, И вдруг Гирадо, поднявшийся на гору чуть выше, чтобы собрать там хворост для костра, воскликнул:

– Смотри, Конан!

– Что там? – Конан выронил охапку сухих веток, которую только что принес к месту стоянки, и выпрямился во весь свой внушительный рост. – Дракона увидел?

– Там кто-то есть, – сказал Гирадо. – Гляди, горит огонь.

Конан пригляделся.

Действительно, впереди мелькал огонек. Точнее, огонек стоял на месте – шевелилась под ветром ветка дерева, перегораживающая маленькое желтое пятнышко света.

– Похоже на окно, – сказал Конан. – Пойдем. Наверное, там дом. Живет там какой-нибудь мудрец, из тех, кому нравится сидеть сычом в одиночестве и размышлять о том, как бы сделать человечество счастливее.

– Стоит ли беспокоить его, в таком случае? – засомневался Гирадо.

– Если его не беспокоить, на нем вырастут бледные грибы, – сказал Конан. – Я одного такого видел. Кстати, в Стигии.

Гирадо сжал губы и промолчал. Иногда шутки варвара казались ему излишне грубыми, хотя сам Конан находил их вполне добродушными и забавными.

Домик оказался ближе, чем они думали. Перед единственным, его окном действительно росло дерево с длинными тонкими мягкими колючками вместо листьев. Ветра и непогода как будто нарочно навязали узлов на длинных ветках, которые изгибались под самыми неожиданными углами, создавая причудливый узор. Гирадо предположил, что это дерево служит одинокому мудрецу собеседником и предметом для размышлений.

Однако молодой стигиец ошибся. Обитателей уединенного домика в горах оказалось двое, причем оба мало походили на мудрецов-созерцателей: один – черноволосый, загорелый, вечно всклокоченный, с выпученными глазами; второй – сонный с виду, бледный и рыхлый, однако добросердечный и всегда готовый услужить. Черноволосый назвал свое имя – Бульнес; на сонного он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на того много внимания.

Путники привязали лошадей и последовали приглашению хозяина разделить с ним небогатый ужин, состоявший из тушеных овощей и очень тощего копченого зайца.

Сонный прислуживал за столом, но видно было, что куда охотнее он свалился бы под лавку и там задремал.

За трапезой Гирадо завязал вежливую беседу с гостеприимным хозяином. Конан чувствовал себя усталым. Ему неинтересно было слушать, как Бульнес рассказывает о годах учебы в колдовских школах и еще о годах, проведенных в качестве подмастерья при видных магах Стигии. Этого мага – точнее, «недомага» – убивать не следовало; а любой маг – если он не являлся предполагаемой жертвой киммерийца, – был для Конана попросту скучен.

Между тем послушать рассказы Бульнеса стоило, и Гирадо, никогда не упускавший возможности поучиться чему-либо новому, жадно внимал каждому слову хозяина.

А тот, горестно ероша волосы И ТО И дело дергая их обеими руками от избытка чувств, повествовал о своей странной жизни, полной неудач.

– Я хотел стать некромантом, – рассказывал Бульнес. – Многие мои приятели по школе

магии мечтали обрести власть над давно умершими людьми, чтобы те ПОМОГЛИ им стать могущественными в нынешнем мире. Заклинания некромантии выглядят очень несложными, но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью. Никогда не знаешь, кого вызовешь к жизни. Если это окажется, предположим, великий владыка былых времен или опытный жрец Сета, – все, можешь распрощаться со свободой. Вернувшись из небытия, такой сильный дух запросто завладеет тобой. Словом, пока все наперебой экспериментировали, издеваясь над душами покойных своих родственников (один, я помню, пытался отомстить тетушке, которая при жизни страшно мучила его поцелуями, нотациями и нравоучительными примерами), я готовился к серьезному делу. Мне нужен был не слуга, не раб из потустороннего мира, но друг, союзник и помощник. Следовало очень тщательно обдумывать кандидатуру на оживление. Чем я и занимался.

– Поведай, Бульнес, – обратился к некроманту Гирадо с видом крайнего почтения, – каковы были твои конечные цели при оживлении мертвеца?

– Самые скромные, – твердо ответил Бульнес. – Ни завоевания царства, ни обретение власти над умами – ничего такого. Это было бы слишком опасно. Нет, я желал при помощи потустороннего помощника предсказывать будущее, открывать прошлое и объяснять настоящее. Слушай же, насколько мне это удалось.

Многие мои приятели, недоучившиеся маги, сделались тем временем шарлатанами. Они бойко предсказывали то, что произойдет через двести, триста лет, а также вещали о событиях тысячелетней давности. Естественно, никто не мог уличить их в обмане. Легковерные люди давали им деньги. Какое жалкое извращение магического искусства! Я и помыслить не мог, чтобы заняться чем-либо подобным.

Нет, я вознамерился завладеть телом одного из усопших мудрецов древности и вернуть его на землю. Большинство таких усопших в Стигии, как известно, служили в свое время Сету, божеству свирепому и любящему кровь. Не было смысла возвращать их на землю. Поэтому я обратился к усопшим мудрецам Дарфара. Мне пришлось потратить немало средств и времени, чтобы свести знакомство с нужными людьми. Наконец несколько жуликоватых персон взялись выполнить мое опасное поручение,

Я продал дом, который достался мне от родителей, и расстался с большинством моих книг, чтобы оплатить услуги грабителей гробниц. В убогой лачуге, перебиваясь только водой и заплесневелым хлебом, я ждал. Прошло не менее месяца, когда оба негодяя вернулись ИЗ Дарфара и привезли мне желаемое в длинном грубом мешке. Они не пожелали даже взглянуть вместе со мной на мумию, такой ужас наводили на них древние гробницы. Не знаю, что они пережили там. Сами они ни словом об этом не обмолвились.

Я же, оставшись в одиночестве, снял мешок с мертвого тела и начал его разглядывать. Я знал, конечно, что некоторые дарфарские владыки намереваясь воскреснуть в некоем отдаленном будущем для новой жизни, повелевали свои тела после смерти вымачивать в щелоках, потрошить, набивать смесью опилок и благовоний, – все это служило сохранности их бранных оболочек. Одно такое тело лежало сейчас передо мной.

Мне предстояло еще немало трудов, чтобы заставить мумию разговаривать и сделать ее своим другом. В одной из моих книг я читал о том, что древние жители Дарфара говорили языком, ныне смолкнувшим, да еще при том не так, как мы, – сперва первое слово, потом второе и так далее, до конца всей речи, – а наоборот: с конца, то есть сперва последнее слово, потом предпоследнее – и так до самого начала. Кроме того, они даже писали в этом противоположном направлении...

Скажу больше. Самую жизнь свою они проживали с конца до начала, определяя при самом рождении весь будущий срок этой жизни. Таким образом, они говорили о младенце, что ему, к примеру, семьдесят восемь лет, разумея, что семьдесят восемь лет ему жить осталось; а о старце – что он достиг возраста одного года... Все это до крайней степени умудряло древних жителей Дарфара и делало их чрезвычайно ценными союзниками для умелого некроманта.

Моя мумия была велика ростом, бела – следовательно, хорошо вымочена в щелоке, – и

почти без блеска на коже, что ясно указывало на высокое качество бальзамирования. Я приступил к заклинаниям. У меня были заготовлены различные снадобья, среди которых самыми простыми были мышьяная моча, разведенная в уксусе, и кошачье сало, смешанное с амброй и толченой стружкой красного дерева. Я произнес положенные заклинания на семи мертвых языках.

И вот мои труды увенчались блистательным результатом. Скажу тебе правду, я едва не умер, когда увидел, как моя мумия зашевелилась, разлепила губы и медленно открыла глаза. Наконец я собрался с духом и обратился к мертвецу на его родном языке, произнося слова от конца речи к ее началу:

– ! Мире нашем в сна вечного из восставшего тебя приветствовать я рад безмерно.

Услышав это, мумия некоторое время рассматривала меня как бы в изумлении. А затем спросила, так хрипло и невнятно, что я едва мог разобрать:

– Что тебе нужно?

От радости я не сразу осознал, что мумия разговаривает со мной на грубом, но вполне обыденном наречии. Однако это была настоящая мумия, пустое тело, чей мозг, желудок и прочие внутренности помещались отдельно, в алебастровых сосудах, и за ненадобностью хранились у меня в кладовой вместе с сухарями.

Я поблагодарил мумию за то, что она сооблаговолила ожить, и принялся задавать ей различные вопросы – о Дарфаре, о Стигии, о королях, ценах на рынке, о недавнем прошлом и о возможном будущем. На все это мумия давала вполне приемлемые и разумные ответы.

А я умащал ее тело, читал ей заклинания и рассказывал различные истории. Надо сознаться, что больше всего моя мумия полюбила скабрзные анекдоты, так что я, к великому удивлению соседей, зачастил в веселое заведение одной госпожи, где этими историями меня потчевали весь вечер и добрую половину ночи.

Тем временем оживший мертвец вещал и прорицал. Многие из сказанного им сбывалось до мельчайших подробностей. Ко мне начали ходить люди – за советом, за знаниями. Я не открывал им лица волшебного моего помощника, сохраняя его за занавесом, но несмотря на эту меру предосторожности, вскоре уже весь город знал, что я завладел мумией и сумел заручиться дружбой давно умершего человека.

Окончилась моя нищета. Я выкупил проданный было родительский дом, начал баловать себя яствами, а для мумии приобретал ценные благовония, которые она охотно обоняла. В конце концов мои бывшие товарищи, привыкшие презирать и жалеть меня как неудачника, преисполнились великой зависти и предприняли попытку ввергнуть меня в прежнее мое плачевное состояние. Особенно один из них выказывал сугубое упорство. Однажды он проник в мой дом, пока меня не было, и завел с мумией долгую беседу. Поначалу малословная, мумия отвечала назойливому гостю, неохотно, но тот сумел ее раззадорить. Он курил для нее благовонные палочки, подносил к носу умершего бокал, с вином, льстил, забыв о совести, и в конце концов моя мумия разговорилась и проболталась.

Никогда при жизни своей не был мудрец-вещун владыкой, ученым или жрецом какого-либо божества. Более того, эта мумия представляла собой настоящую фальшивку.

Предприимчивые торговцы, взявшие с меня такие большие деньги, подобрали по дороге в Дарфар труп умершего раба, сварили его в смоле, затем выбелили в щелоке и продали как нечто древнее.

Это разоблачение могло бы окончательно погубить меня, если бы не одно обстоятельство: все прорицания фальшивой мумии были абсолютно истинными. Бывший раб слишком хорошо знал людей, их слабости и побудительные мотивы, чтобы ошибаться, предрекая им то одно, то другое. Кроме того он обладал завидным здравым смыслом и не утратил этого свойства и после своей смерти.

И все же оставаться в городе после этого разоблачения было для меня невыносимо. Поэтому я забрал с собой мумию, несколько книг, кое-какие инструменты для наблюдения за звездами и поселился здесь, в тиши и уединении.

– Кстати, меня звали Грес, – подал голос мертвец, заснувший было под лавкой.

Конан брезгливо подобрал ноги.

– Мне это все не нравится, – пробормотал он. – Пойду-ка я спать на свежий воздух. Благодарю тебя, Бульнес, за гостеприимство, но ночевать под одной крышей с разговаривающим мертвецом мне почему-то не хочется.

С этими словами он забрал одеяло из верблюжьей шерсти, принадлежавшее Гирадо, и выбрался из хижины.

Бульнес проводил его глазами.

– Видишь, – обратился он к Гирадо, – как относятся ко мне все обыкновенные люди!

– Конан – не вполне обыкновенный чело век, – возразил Гирадо. – Он великий воин и великий простец. Он из тех, кто разит, не раздумывая, и так же не раздумывая приходит на помощь. Но больше всего, как мне кажется, он любит свободу и деньги.

– Что ж, таких людей я тоже встречал, – задумчиво молвил Бульнес.

– Этот парень завоюет королевство, – подала голос мумия бывшего раба.

– Что? – обернулись к Гресу Бульнес и Гирадо.

– То, что я сказал. – Оживший мертвец зевнул и сел на полу, потирая глаза. – От него пахнет королевской властью. Он случайно не рожден королями?

– По-моему, нет, – сказал Гирадо. – В противном случае он бы об этом обмолвился.

– Говорю вам, этот парень еще станет владыкой, – упрямо повторила мумия. – Таково мое предсказание. Я редко ошибаюсь.

– Что ж, я передам ему твое мнение, – обещал Гирадо. И снова заговорил с Бульнесом: – В Стигии, пока ты пребывал в уединении, случилась беда. Точнее, она случится, если мы не остановим могущественную магу по имени Мутэмнэт. Не встречалась ли тебе эта женщина в ту пору, когда ты изучал искусство некромантии?

– Лично я с ней никогда не виделся, – ответил Бульнес. – Но того, что я о ней слышал, оказалось довольно, чтобы отбить всякую охоту иметь с нею дело.

– Я не стану рассказывать тебе всего, – проговорил Гирадо. – Это долго и опасно. Возможно, у нее везде есть невидимые соглядатаи. Когда имеешь дело с магой, никогда не знаешь, чего ожидать.

– Говори основное, – сказал Бульнес. – Я постараюсь помочь тебе.

– Где-то здесь, в горах, обитает второй отшельник – дракон Мемфис.

– Я знаю его, – просто отозвался Бульнес. Мумия со вздохом растянулась на полу. Слышно было, как хрустят ее суставы.

– Чаще всего он бродит по горам, обернувшись дряхленьким старичком, – продолжал Бульнес. – Если ты не обладаешь магическим зрением, тебе ни за что не угадать в этом немощном старце могучего дракона с серебряным телом сверкающими клыками. Он умен, очень умен и обладает своеобразным чувством юмора.

– Совсем как Конан, – хмыкнул Гирадо. – Вот уж у кого крайне своеобразное представление о смешном.

Бульнес попытался пригладить непослушные вихры у себя на голове, однако это ему не удалось. Оставив всякую попытку привести в порядок волосы, он принялся тереть мочку уха.

– Если тебе повезет, ты встретишь его завтра. Недавно мы видели его гуляющим возле пещеры Хрустального бога.

– Это еще что? – нахмурился Гирадо.

– Одна пещера, – туманно пояснил Бульнес. – Идите дальше на север, до дерева, разбитого молнией. Вы увидите его издалека. Это огромный ствол, перекрученный и черный от давнего удара. Говорят, что на самом деле это вовсе не дерево, а древний великан, который повздорил с громовержцем и за это был им наказан... Справа от убитого дерева будет вход в эту пещеру...

Голос Бульнеса звучал все тише и тише, и Гирадо почувствовал, как его клонит в сон. Не договорив фразу до середины, некромант задремал, свесив голову на грудь. Заснул и Гирадо. Тишина повисла над убогой хижинкой, где долго еще мерцала одинокая лампада. Но

наконец погасла и она.

Когда Конан проснулся, то не обнаружил ни хижины, ни стигийского некроманта, ни ожившей мумии, ни своего спутника. Оба коня, привязанные неподалеку к кустам, спокойно паслись и только время от времени дергали ушами. Небо над головой было ясным, коршун продолжал кружить и покрикивать тонким, тревожным голосом, но больше ничего живого поблизости не наблюдалось.

Конан сел, потер виски. Прокашлялся. Ничего. Вчера он совершенно не пил ничего спиртного, поэтому вряд ли ему почудился ночлег в странной хижине. Нет, хижина была. Киммериец считал себя человеком здравомыслящим, и сбить его с толку было не так-то просто.

– Магия, – прошипел он так, словно это слово было ругательством.

Он чувствовал себя отвратительно. Вчера следовало хватать Гирандо в охапку и бежать прочь из этого проклятого дома. Сразу, как только хозяин проговорился о том, что владеет ожившей мумией. С самого начала не понравился Конану этот Бульнес – если только того действительно так зовут.

Но ведь Гирандо мнит себя цивилизованным человеком! Как он мог обидеть гостеприимного хозяина, да еще стигийского мудреца? К тому же тот предлагал интересную беседу о магии, некромантии, предсказаниях и прочей чепухе, от которой только одно лекарство – добрый удар дубиной по голове.

Сердясь на себя, как на лютого врага, Конан взял обеих лошадей и двинулся вперед. Может быть, Гирандо обнаружится вскоре – висящим на дереве, припиленном к скале или еще в каком-нибудь неудобном и глупом положении, – и тогда его придется спасать.

Впереди показалось высокое дерево, давным-давно расщепленное молнией. Конан посмотрел на него, нахмурился: что-то в этом дереве показалось ему подозрительным. Впрочем, в то утро любая вещь выглядела в его глазах гнусной и не заслуживающей доверия. Тем не менее в пещеру, вход в которую находился рядом с корнями погибшего дерева, варвар все-таки заглянул. Маги обожают подобные местечки, как он знал по своему опыту. Может быть, и здесь он отыщет какого-нибудь худосочного чародея, из которого можно будет вытрясти два-три полезных заклинания прежде, чем отрезать ему голову.

В пещере оказалось, против ожидания, светло. Стены ее были сложены полупрозрачным камнем сероватого оттенка, и солнечные лучи, рассеиваясь, проникали в подземелье. Казалось, здесь постоянно висит серебристая пыль. Тонкий звон сопровождал каждый шаг киммерийца – это отзывались на прикосновения подошв певучие камни. Впереди тихо капала вода.

По мере того, как Конан углублялся в пещеру, звук падения капель становился все звонче, все отчетливее. Наконец перед варваром открылся большой подземный зал. Конан остановился, изумленный представшим ему зрелищем.

Под тонким, почти совершенно прозрачным каменным куполом, находилось небольшое озерцо, заполненное черной водой. Из этой воды поднимался постамент в виде лотоса, а на постаменте находилась большая, выше человеческого роста, статуя какого-то божества. Этот бог, с огромными удлинненными ушами, полузакрытыми глазами и сложенными на груди руками, тихо дремал, скрестив ноги посреди большого каменного цветка.

Из потолка на темя статуе медленно падала вода. Каждая капля стекала по туловищу и омывала его. Божество зеркально отражалось в черной неподвижной воде озера. А на другом берегу, точно в такой же позе, сидел маленький дряхлый старичок и задумчиво созерцал статую.

При виде Конана старичок поднял голову и замотал длинными седыми усами.

– Человек! – прошамкал старик. – Зачем ты пришел в эту пещеру? Чего ты здесь ищешь? Ничего, кроме вечного покоя, тебе здесь не откроется, а ты не из тех, кому требуется покой.

– Ты прав, почтенный, – отозвался Конан. – Со мной случилась беда, вот я и пошел

куда глаза глядят в поисках человека, который мне бы помог.

– Беда? – удивился старикашка и затрясся от смеха. Его усы извивались как живые. – Какая беда может случиться с таким, как ты? Ты молод, полон сил и шума! С такими никогда ничего не случается! У тебя нет дома, чтобы он сторел! У тебя нет жены, чтобы она тебе изменила! У тебя нет детей, которые могли бы умереть!

У тебя ничего нет, голодранец, кроме отменного здоровья и глупой башки!

– Ты прав, почтенный, – еще более вежливо ответил Конан бесноватому старцу, – Но у меня был спутник – и вот он-то пропал,

– Не очень похоже, чтобы ты страдал оттого, что пропал какой-то безмозглый глупец, с которым ты пустился в странствия! – заметил старичок и встал.

На нем были очень дорогие и чрезвычайно истрепанные одежды. Халат из золотой парчи порван в клочья, наборный пояс, украшенный бирюзой и рубинами, потерт и покрыт трещинами, обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи, висела лохмотьями на тощих ногах. В таком же ужасном состоянии находились грязные всклокоченные волосы старика, его тощая борода и длинные, очень жидкие и неопрятные усы. Но небольшие темные глаза излучали мощную энергию, а беззубый рот шамкал властно.

– Тебе повезло, дурачина, – говорил старичок, показывая Конану на статую божества, – ты притащился сюда как раз в полнолуние, когда Амида достигает своего наибольшего роста.

– Как это? – не понял Конан.

– Эта статуя сформирована камнем и падающей водой, которая просачивается сюда сквозь трещины в потолке пещеры. Она прибывает и убывает вместе с луной. В полнолуние это природное изваяние достигает потолка пещеры, а к новолунию от него почти ничего не остается.

– Как это может быть? – поразился Конан,

Старичок затрясся от смеха.

– Этого никто не знает! Мы ведь имеем дело с божеством! Оно захотело быть таким, оно стало таким, каким захотело, – вот и все, что мы можем знать об этом!

– Слишком сложно для меня, – проворчал варвар. – Могу я узнать твое имя, почтенный, или ты предпочтешь, чтобы я терпел твои грубости, именуя тебе в ответ почтенным и не более того?

– Ах ты, маленький хитрец! – старичок погрозил ему узловатым пальцем, с длинным желтым ногтем. – Ах, плутишка!

Прошло очень много лет с тех пор, как Конана называли «маленьким хитрецом». Разве что какая-нибудь девица, прикорнувшая на его груди... Но уж никак не взрослый мужчина. Тем не менее Конан повторил свой вопрос:

– Меня зовут Конан, почтенный, назови же теперь свое имя.

– Мемфис, – быстро ответил старикашка, – Мое имя – Мемфис. Можешь называть меня также Большой Мемфис или Серебряный Мемфис. Понял, малыш?

Конан ничего не понял.

– Мемфис – это дракон, – сказал он. – Или глупый Гирандо опять все перепутал? Ты ведь старый человек, не так ли? Человек, а не дракон?

– Возможно, – смутно ответил старик. – А возможно, и не совсем. Каждое полнолуние я прихожу сюда, чтобы полюбоваться на статую, которая возрастает до потолка пещеры. Дракону не проникнуть в это отверстие, не так ли? Приходится принимать меры. Да, приходится кое-что менять. Иначе я не могу увидеть статую. А мне хочется ее видеть. Понимаешь ли ты, малыш, что значит – хочется?

– Еще бы! – сказал Конан. – Например, мне хочется увидеть моего приятеля Гирандо.

– Неужели тебе дорог какой-то человечек? Судя по имени, он родом из Стигии, а ты не похож на стигийца. Стало быть, вы не родственники, – начал рассуждать старичок, назвавшийся Мемфисом. – А как тебя зовут, а?

– Меня зовут Конан, и этот стигиец мне вовсе не дорог. И уж тем более мы не

родственники, – рассердился Конан. – Но мы вместе пустились в путь, и я хотел бы, чтобы этот путь мы и закончили вдвоем. Не привык я к такому, что бы устроиться на ночлег вдвоем, проснуться в одиночку да так и уехать ни с чем.

– Погоди-ка, погоди... – Мемфис призадумался, закусив ус. – Где это вы заночевали вдвоем? Не у Бульнеса ли, этого пройдохи-некроманта?

– Да, кажется, такое имя назвал хозяин довольно мерзкой хижины.

– Теперь понятно... – Мемфис хихикнул, поперхнулся собственным усом и принялся кашлять, содрогаясь всем телом. – Понятно, совершенно все понятно... Ты, наверное, ушел ночевать на двор, а твой дружок расположился под крышей.

– Да.

– Каждое полнолуние Бульнес со своей болтливой мумией проваливается под землю.

– Так принято? – уточнил Конан. – Или это какое-то проклятие?

– Откуда мне знать? – Мемфис выплюнул ус и громко фыркнул, почти как лошадь. – Мало ли что придет в голову этому человечьему отродью. Полная луна плохо действует на мумию. Она начинает зевать, говорить разную чушь, а иногда делается злобной и кидается на своего спасителя, А чего он хотел, когда завладел трупом раба и превратил его в прорицателя? Окружил почетом, курит ему благовония – тьфу! Меня тошнит от всей этой глупости.

Старичок энергично плюнул себе под ноги и попал в черные воды озера. По глади побежали круги, возле каменного лотоса заколебались маленькие волны. По статуе пронесся долгий протяжный вздох, который зародился как будто, в самых ее глубинах.

– Ой-ой, – сказал старичок. – Бежим-ка отсюда, малыш. Я случайно прогневал нашего бога, и он может пробудиться.

– И что тогда? – спросил Конан, не двигаясь с места.

– Если он никого не увидит, то заснет снова. А если заметит нас с тобой, то... мало ли что придет ему в голову спросонок! ЭТИХ богов разве разберешь!

И Мемфис мелко засеменил вокруг озера. Конан подхватил старичка на руки – тот оказался невероятно тяжелым – и бросился с ним бежать прочь из пещеры.

И вовремя – каменная статуя как раз начала приподнимать веки.

– Уф! – выговорил Мемфис, когда. Конан поставил, его на ноги. Они снова были возле входа в пещеру, рядом с разбитым деревом, – Быстро же ты умеешь скакать, малыш. Как тебя зовут, говоришь?

– Конан

– Забавное имя. Ты ведь северянин, а? Черный, как кушит, а глаза голубые. Пф! – Он снова фыркнул, так что усы испуганно разлетелись от его рта, – Где это тебя так сожгло солнцем? – Он поднял палец. – Только на море бывает такой загар! Только на море! Ты был гребцом на галере, а? Сознавайся, мерзавец, ведь ты бывший гребец на галере!

– Может быть, – сказал Конан. – Тебе-то какое дело, почтенный Мемфис, Серебряный и Большой, был я гребцом или не был?

– Да никакой, – сказал старичок, – От тебя воняет королями, а ты тратишь время, размахивая веслами на какой-то галере.

– Какими еще королями? – смутился Конан.

Наслаждаясь тем, что гигант-северянин наконец-то чувствует себя не в своей тарелке, старичок захохотал, широко разевая беззубый рот.

– Ты будешь королем или был им когда-то! – заявил он.

– Эка новость! – нашелся Конан, – Конечно, когда-нибудь я завоюю себе королевство.

Мемфис закивал головой, размахивая длинными серо-седыми волосами.

– Похвально, малыш, похвально. Ну что, летим?

– Куда? – не понял Конан.

– Ты хочешь тащиться к хижине Бульнеса пешком? – поинтересовался старик ехидно. – Неужели не надоело бегать туда-сюда, туда-сюда? Летим! – прогремел его голос совершенно по-иному, и вдруг перед Конаном возник огромный змей с получеловеческим лицом на

морде. Усы, каждый размером с большую змею, шевелились на камнях. На голове красовались острые загибающиеся рога. Тяжелый хвост расслабленно лежал среди кустов и булыжников. Серебряная чешуя сверкала на бледном солнце, и дракон казался металлическим.

И только темные глаза глядели по-прежнему, ехидно и весело. Это существо так и дышало жаром, жизненными силами, мощью.

– Садись между рогами, – прогремел голос, и усы расползлись в стороны, как бы в приглашающем жесте. – Полетим низко, но очень быстро.

Конан осторожно приблизился к голове дракона.

– Мемфис, – сказал он, и в его голосе невольно прозвучало благоговение. – Как же ты красив!

– А... – вздохнул дракон. – Я всегда это знал!

Конан устроился на голове змея. Прикосновение чешуи оказалось прохладным и приятным. Почти мгновенно змей чуть-чуть приподнялся над землей и заскользил, извиваясь, по воздуху. Мимо проносились, мелькая, кусты, низкие деревца, обломки скал. Прошло совсем немного времени, и дракон плавно опустился на землю.

– Здесь, кажется, стояла хижина этого дурака Бульнеса, – ворчливо прогремел он. – Ну-ка, слезай с моей головы. Будем копать.

Конан спустился на землю и отошел чуть в сторону. Дракон сложил свое длинное тело кольцами и уставился на него.

– Ну? – сказала древнее существо.

– Что? – не понял Конан.

– Будем копать! – сказал дракон.

– Хорошо, – согласился Конан.

– Что же ты стоишь? – прогневался дракон. Он взмахнул усами, как бичами, и хлопнул хвостом по земле, отчего опавшие листья, хворост и несколько неудачливых ящериц взлетели в воздух. – Копай!

– Я? – переспросил Конан.

Дракон склонил голову набок, как удивленная собака.

– А что, я, по-твоему? Это твой приятель! Копай! Я буду помогать тебе песней.

И он действительно завел монотонную песню, от которой неудержимо клонило в сон. Конан опустился на колени и принялся ладонями разгребать землю на том месте, где, как он помнил, была злополучная хижина.

Вскоре он увидел лицо, засыпанное землей. Это был Бульнес. Он спал мертвым сном и чуть похрапывал. На его бледных губах вздувались пузыри.

– Оставь его, – прервал на миг свое пение дракон. – Займись другим. Этот уже привык к погружениям, а вот твой приятель мог и задохнуться.

Конан послушно бросил Бульнеса (надо признать, сделал он это весьма охотно) и принялся копать дальше. Вскоре он отыскал Гирадо. Стигиец спал мучительным сном, он позеленел, губы его ввалились и стали почти черными, веки изо всех сил жмурились, как будто пытались избавиться взор от страшных видений. Конан вытащил его и уложил на траву.

– Хорошо, – сказал дракон, продолжая тянуть бесконечную мелодию. – Буди его, пока он не привык к этому сну. Пока что ему снятся отвратительные вещи – видишь, как хмурится? – но когда он попривыкнет и втянется, видения станут более спокойными, а потом и приятными... В конце концов, он не захочет просыпаться.

– Но почему Бульнес не предупредил его, что останавливаться на ночлег под крышей его дома опасно? – спросил Конан, хлопая Гирадо по щекам и тряся его за плечи.

– Потому что ему дела нет до пришлых остолопов, которые забрели к нему под кров, – промурлыкал дракон,

Гирадо со стоном распахнул глаза. Конан увидел ужас, мелькнувший во взгляде стигийца.

– Кто? Что? – выдохнул Гирадо.

– Это я, – сказал киммериец.

– Конан! – Гирадо с глубоким вздохом опустил на траву. – Мне показалось, что я умер, что меня опускают в чан с кипящей смолой и хотят сделать из меня мумию.

– Ну, что я говорил? – раздался громовой голос дракона. – Все это из-за некромантии. Возня с трупами никого еще не доводила до добра.

Гирадо подскочил, как ужаленный, и встретился взглядом с Мемфисом, Серебряный дракон щурился, словно кошка, и откровенно потешался над перепуганным и растерянным человеком,

– Ты... ты... о, великий, почтенный, о могущественный... – залепетал стигиец, хватаясь то за один, то за другой амулет.

– Это я, – важно подтвердил дракон. – Я познакомился с твоим спутником, с этим верзилой, который был вежлив с хилым стариком и бесстрашен с могучим драконом. Хо, хо. Куда это вы, малыши, направляетесь? Здесь не очень приветливые края, как вы успели убедиться.

Мы ищем... нам нужно найти... – начал стигиец, но махнул рукой и вдруг заплакал. – Мне трудно говорить, – сквозь слезы вымолвил он. – Столько всего произошло! Живая мумия, некромант, подводный город, а теперь еще ты – такой огромный, такой...

– Прекрасный, – самодовольным тоном подсказал дракон. – Ладно, пускай отвечает северянин. Как тебя, кстати, зовут, северянин? Кажется, в голове у тебя не совсем пусто.

– Нам нужна часть амулета, – сказал Конан, решив на этот раз не называть своего имени дракону. Будет с него.

– Талисмана, – поправил Гирадо.

Конан махнул рукой.

– Ну, талисмана. Такой кругляшок, разбитый на четыре части. По нашим сведениям, у тебя хранится та часть, что позволяет повелевать духами воздуха.

– Что, очень надо? – спросил дракон еще более насмешливо.

– Без этого не остановить Мутэмэнет, если ее имя тебе что-нибудь говорит.

Помню такую женщину, – задумчиво протянул Мемфис. – Красивая, но очень злая. Она приносила мне воздушный талисман. Говорила что-то об опасностях, о магии, да я ничего не понял. – Он потянулся, развернув и снова свернув кольца своего огромного серебряного тела. – Я слишком стар, слишком могуч, слишком далек от мира людей... Если бы вы только знали, какими жалкими кажетесь вы с той высоты, на которую я летаю! Вы живете так мало, что я не успеваю замечать, как сменяются поколения. Вы ходите так медленно, что я обгоняю вас, едва начав движение. Вы ничтожны, и все же есть что-то непобедимое в вашем неустанном продвижении вперед. Чего вы достигнете когда-нибудь? Я это увижу, я увижу... Да, я доживу до этого времени...

Дракон зевнул, ослепив двоих спутников блеском своих белоснежных клыков, в которых, казалось, отражались, искаженные, оба лица, Конана и Гирадо.

– Забирайте эту безделку, – сказал дракон, и из-под его перепончатой лапы выпал неровный кусочек металла. Гирадо схватил талисман так быстро, что Конан едва успел проследить за ним глазами. – И уходите... уходите, пока не случилось еще чего-нибудь.

– погоди, – остановил дракона Конан, – Ты был так добр, так снисходителен... Окажи нам еще одну услугу.

Дракон широко раскрыл темные глаза, в которых так и плясали усмешливые огоньки.

– Я слушаю тебя, малыш.

– Нам нужно попасть в подземный город магминов.

– Сколько всего вам нужно, малыш! У меня просто голова идет кругом! – громовые раскаты драконьего смеха разнеслись среди скал. – Идите в ту пещеру, где мы встретились. Лошадей тебе придется отпустить... Они, по-моему, убежали, едва я принял истинный облик. Впрочем, я не уверен. Проверь. В любом случае, в подземелье их не бери. Там они не пройдут. Вход – там, мимо статуи Амиды. Дождитесь, пока минет полнолуние. Нехорошее это время для вас, людей, – полнолуние...

Дракон чуть приподнялся над землей. Кончик его хвоста задрожал – древний зверь предвкушал предстоящий стремительный полет.

– Прощайте, малыши, – зазвенел, запел медный голос Мемфиса. – Прощайте!

Серебряная стрела чиркнула воздух, и спустя миг в ослепительно-синих небесах уже извивалось огромное, сияющее тело гигантского древнего змея.

Гирадо изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, но это у него не очень-то получалось. В подземелье он ежился, и все время оглядывался по сторонам, как будто ожидал нападения страшного чудовища.

Ничего не происходило, и это, как с насмешкой подумал Конан, еще больше пугало маленького стигийца. Смуглые тонкие пальцы постоянно перебирали амулеты, ощупывали то один, то другой мешочек с колдовскими зельями. Губы то и дело принимались шевелиться, бормоча заклинания, но ни одно из них стигиец не договорил до конца.

– А что, – обратился к нему Конан, – душно было тебе спать под землей?

Гирадо посмотрел на своего спутника большими темными глазами, расширенными от ужаса.

– Поначалу я вообще ничего не понял, – признался он. – Просто заснул. Земля забила мне рот и нос, но я не умирал. Тяжело и мучительно спал. Такое иногда случается, когда тебя давит тяжелое одеяло...

– Давит одеяло! – фыркнул Конан. – Чего только не услышишь, общаясь с цивилизованными людьми!

– Легко тебе говорить, верзила. – обиделся стигиец.

При виде могучей, бугрящейся мышцами фигуры варвара трудно себе было представить, что его могло «давить» одеяло. Однако хрупкий стигиец – другое дело. Какая-нибудь баранья шкура или набитый войлоком матрас вполне могли сжать его грудную клетку и вызвать кошмары.

– Ладно, не обижайся, – миролюбиво отозвался Конан. – Лучше продолжай. Интересно.

– Мне снились страшные вещи. Отрубленная голова моего брата, превращенная в рубин...

– А разве твоему брату отрубили голову? – удивился Конан.

– Это же сновидение! – объяснил стигиец.

– А разве оно не пророческое или что-то в этом роде?

– Нет, просто сновидение. Только страшное.

– Нет ничего страшного в отрубленной голове, – заявил Конан. – Я самолично отрубал головы и могу тебя заверить, что нет ничего более мирного, молчаливого и безопасного, чем...

– О боги! Я говорю о своем брате! – возопил стигиец.

– Ты ведь его даже ни разу не видел, насколько я понимаю.

– Неважно. Мы с ним одной плоти. Словом, я не буду тебе больше ничего рассказывать...

Чуть помолчав, Гирадо добавил.

– И эта красная, полупрозрачная голова имела мое лицо. И она пыталась мне что-то сказать, но ее губы были скованы рубином.

– Как это? – заинтересовался Конан.

– Я хотел сказать: она была рубиновая и потому не могла шевелить губами.

– Красивый сон, – помолчав, оценил Конан. – А потом?

– Потом ты начал меня трясти. Рубиновые грезы рассыпались, я увидел серенький свет и твою физиономию. Но этот дракон! Как ты сумел завоевать его уважение?

– Что-то я не заметил, чтобы старый Мемфис проявлял ко мне уважение! Просто мы с ним поболтали. Точнее, я поболтал с неким сварливым старикашкой, который бродил по этой пещере и случайно плюнул в изображение бога... или в самого бога. А вот и он!

Они вошли в подземный зал с озером, посреди которого на каменном лотосе восседала прозрачная статуя божества.

Теперь, когда полнолуние миновало, капли с потолка падали реже, и статуя сделалась меньше. Конан предположил, что к новолунию изображение божества (или же само божество – этого он так до конца и не понял) становится совсем маленьким. Тем не менее глазам путников предстала довольно внушительная картина: почти совершенно прозрачный бог, застывший в спокойной, отрешенной позе, глядел на них из-под полуопущенных век равнодушно и слепо; на холодных, выпяченных губах застыла полуулыбка, которая в любое мгновение, казалось, может обернуться злобным оскалом или приветливым смешком.

Отраженная в неподвижной черной водной глади, статуя казалась двуглавой.

– Клянусь Бэлит! – шепнул стигиец. – Здесь жутко!

– Пока он не шевелится, все в порядке, – отозвался варвар, пожимая плечами. – По мне так, все статуи богов ничего не стоят, пока они остаются статуями.

В это мгновение прозрачный бог открыл глаза и осторожно шевельнул рукой. По озеру пробежали круги.

– Ты касался воды? – спросил киммериец у своего спутника.

– Нет. Тебе тоже показалось?

– Кром! Проклятье! Ничего не показалось! Он оживает, и одному только Нергалу известно, почему!

* * *

– Люди... – пронеслось эхом по подземной пещере, и это простое слово отзывалось от стен много раз, то глухо, то гулко, пока наконец не начало звучать зловеще, словно представляло собой какое-то древнее могущественное заклинание, – Люди...

– Да, мы люди! – выкрикнул Конан, желая разрушить очарование страха. – А ты – всего лишь ледяная статуя!

– Я бог, – загремело вокруг. – Я бог! Ничтожные, жалкие люди!

– Мы друзья Мемфиса, – бойко проговорил стигиец, размахивая амулетом причудливой формы. На коротком жезле сидело изображение дракона, раскрашенного красными и золотыми полосами. Чуть ниже дракона имелось синее кольцо, с которого свешивались цепочки, кисточки, причудливо завязанные узелками шелковые шнуры и колокольчики. Все это брякало и развевалось, однако на ожившего ледяного бога не производило ни малейшего впечатления.

– Я Амида, спящий здесь, во тьме, тысячи лет! – сказал он. – Дракон Мемфис превратил меня в крошечного карлу и оледенил мои члены. Много тысяч лет длилось наше противостояние. Мы видели, как пала Атлантида, но и это не остановило нашей вражды. Нам не было дела до страданий людишек, ведь мы были равными противниками и стояли друг друга. Только это нас и занимало. Но вот Мемфис заручился помощью людей, этих ничтожных созданий... Я ненавижу людей! – взревел вдруг Амида, и по его телу побежали струйки оттаявшей воды. – Это дьявольское отродье! Их жизнь коротка, но за эти считанные мгновения, что они проводят на земле, они успевают совершить столько добра и зла! Богам потребовались бы столетия, чтобы сравняться в счете с человеком.

Люди стали союзниками Мемфиса. Он научился принимать их облик. Этот облик был, с их точки зрения, весьма несовершенным и даже смешным, и поэтому они полюбили его. Вот загадка человека! Человек может полюбить уродливое и смешное. Человек может полюбить отталкивающего старикашку, который забывает половину из того, что ему только что рассказали. И Мемфис понял это, и научился этим пользоваться.

А я никогда не снисходил до людей. Меня не интересовали их убогие тайны. Мне не хотелось заключать с ними союз. Я предпочел бы, чтобы их никогда не было!

И однажды я поплатился за свою гордость. Мемфис со своими отвратительными союзниками подстерег меня и набросил на меня сеть из своих чар. Спустя короткое время я, побежденный, поверженный, униженный, был превращен им в крошечную уродливую

статуэтку и помещен здесь, в этой пещере, посреди озера.

Мемфис приковал меня к каменному лотосу, так что он стал моей тюрьмой. Но день и ночь сверху падают на меня благодетельные капли воды. Чем полнее луна, тем гуще и чаще эти капли, тем быстрее расту я. Ледяной покров в точности повторяет форму статуэтки, только увеличивает ее в размерах. Но увы, каждый месяц луна начинает убывать, и лед тает, а прозрачная статуя делается все меньше...

Конан присмотрелся и увидел, что внутри ледяной глыбы мерцает что-то темное. И это что-то было статуэткой, как и говорил Амида. Статуэткой, полной жизни и ненависти. Но она не могла двинуться с места и только пыталась прожечь своих собеседников яростным взглядом больших, узких глаз.

А лед статуи все плавился. Озеро, окружающее пленного Амиду, вскипало, по черной воде плыли пузыри, в которых причудливо отражалось пламя свечей. От лотоса, волнуясь, разбегались круги.

– Я могу разрубить его мечом, – сказал Конан своему спутнику. – Но не знаю, стоит ли это делать. Если дух Амиды заточен внутри этой статуэтки, то неразумно будет выпускать его на свободу.

– Ты делаешь большие успехи в деле изучения природы духов, – похвалил его стигиец.

Конан поглядел на Гирандо искоса, но ничего не ответил.

Вместо этого он обратился к божееству:

– Дракон Мемфис умен и добр, насколько я успел заметить.

– Как ты можешь судить, кто умен и кто добр! – заревела статуя. Теперь лед трясся, как желе, наполовину расплавленный, и золотой свет внутри глыбы разгорался все ярче. – Ты ничтожный, жалкий...

– Дракон Мемфис поступил правильно! – крикнул Конан. – Ты останешься здесь, в темноте и безвестности, Амида, и не сможешь помешать нам продолжить наш путь!

Со страшным грохотом лед обвалился в озеро. Обезображенные куски статуи закачались на черных волнах. «Скорлупа», одевавшая изящные руки и толстые скрещенные ноги, обломки «маски», покрывавшей лицо, проплывали мимо Конана и Гирандо. Странно было видеть бесстрастный прозрачный лик, оторванный от головы и подпрыгивающий в воде. Как будто там тонул человек, равнодушный к собственной судьбе.

А на лотосе осталась только маленькая золотая статуэтка раскаленная теперь докрасна. Она тщетно пыталась приподняться, взмахнуть руками: Только шипение слышалось теперь, многократно усиленное эхом, и в этом шипении спутники разобрали:

– Мемфис... проклятый дракоша Мемфис...

Не сказав больше ни слова, они припустились бежать и скоро скрылись в темных подземных переходах.

Поначалу ничего нового они не видели. Только низкие ходы, как будто прорытые огромными муравьями, обнаженные скальные породы, иногда сырость под ногами. Затем впереди мелькнул свет.

Конан остановился.

– Ты видишь? – спросил он своего спутника. Гирандо замер рядом с могучим киммерийцем.

– О чем ты? О том огоньке?

– Да. Это не просто светляк... Мне кажется, там есть кто-то живой, – сказал Конан.

– Ну да, – отозвался Гирандо, стараясь выглядеть уверенным, – светляк ведь живой.

– Я хотел сказать, там существа... Ну, какие-то разумные существа! – рассердился Конан. – Ты ведь прекрасно понял, что я имею в виду! Зачем прикидываться?

– Я понял тебя, – кивнул Гирандо, – только мне кажется, что там обыкновенные колонии светляков.

– Что светлякам делать под землей?

– Мы очень мало знаем о живых существах, которые обитают под землей, – нравоучительным тоном проговорил Гирандо. – Например, не некоторые змеи, лишённые глаз...

– Только избавь меня от болтовни о змеях, ты, уроженец земли Сета! – взревел киммериец. – Ненавижу змей!

– К ним стоит относиться с уважением, – заметил Гирадо. – Я тоже не большой поклонник Сета, но по крайней мере жизнь в Стигии приучила меня внимательно следить за змеями.

– Хвала богам, я не знаток жизни в Стигии! – разбушевался Конан. – И если я говорю, что впереди кто-то живой, то я говорю то, что говорю! То есть, что впереди кто-то живой! Опасный! Враг! Ты понял, что я говорю?

– Я понял, что ты злишься и немного напуган, – сказал Гирадо спокойно, что еще больше вывело Конана из себя. В наступившей тишине было слышно, как киммериец скрипит зубами.

От этого звука у Гирадо мурашки побежали по коже. К тому же он уже сообразил, что киммериец прав: свет впереди означал, скорее всего, селение магминов.

Подземные жители, маленького роста, скорченные, с уродливыми лицами, были потомками лемурийцев, и в их сознании до сих пор жил образ их предков, красивых, с прямыми спинами и ясными глазами. У лемурийцев не было расширенных зрачков, приспособленных к тому, чтобы видеть в темноте. Они не напоминали горбатых карликов. Их руки не были мускулисты и узловаты.

Магмины тесно сроднились со стихиями подземного мира – прежде всего земли и огня. Огонь, который пылал в недрах земли, согревал их сердца, и каждый из них представлял собой как бы крошечный сгусток почвы с одушевленным пламенем в середине.

Они заметили пришельцев раньше, чем Конан углядел пламя их факелов. И скоро над головами путников начал сыпаться песок. Поначалу с потолка пещеры тихо струились песок и мелкие камешки. Но скоро это грозило превратиться в настоящий обвал.

Конан остановился.

– Эй! – крикнул он. – Мы никому не желаем зла!

Он прислушался. Гирадо так разволновался, что сам не заметил, как прижался боком к могучему боку киммерийца. Конан слышал его дыхание и чувствовал, как дрожит маленький стигиец.

Поначалу никакого ответа не последовало. Только в темноте вдруг протопали крошечные ножки. Затем издали донесся звон кирки. А после совсем рядом зазвучал голос. Говорил некто, с трудом выговаривая человеческие слова:

– Что вам надо?

– Мы пришли в страну магминов, – начал Гирадо, – с миром и нижайшей просьбой.

– Кто вы? – последовал вопрос.

– Два человека сверху.

– Мы знаем страны, которые лежат сверху – высокомерно произнес голос. Он звучал так, словно исходил из статуи, хотя на самом деле говорило живое существо. Конан даже различал его дыхание, немного хриплое, как будто в

легких у него осела каменная пыль. – Назовите эти страны.

– Стигия, – сказал Гирадо.

– Киммерия, – произнес Конан.

– Знаете ли вы Лемурию? – спросил голос.

– Она исчезла много тысячелетий назад, – отозвался Конан. – Но лемурийцы оставили на земле немало полезного...

– Вы уважаете Лемурию?

– Хоть эта страна и исчезла, она до сих пор заставляет с собой считаться, – быстро ответил Гирадо. – Трудно не уважать такую страну, почтенный.

Послышалось удовлетворенное шипение. Затем тот же голос заговорил опять:

– Кто ваши друзья?

– Дракон Мемфис, – назвал Конан и внутренне сжался, готовясь отразить атаку, с какой стороны бы она ни последовала. Он понятия не имел, кого поддерживали магмины в долгом

противостоянии Мемфиса и Амиды. Вряд ли маленькие подземные человечки оставались в стороне, когда рядом кипела такая схватка: ведь они, считающие себя потомками славной Лемурии, полагали своим долгом вмешиваться в любые значительные конфликты, о каких только им удавалось узнать.

И если Конан назвал неправильное имя...

Гирадо нащупал несколько амулетов и одну бутылочку с порошком. Он не знал, какой это был порошок, ослепляющий или усыпляющий, но если придется действовать, он метнет зелье, не раздумывая, – а там уж как получится.

Но оказалось, что Конан не ошибся.

– Мемфис – наш друг, – сказал магмин и выступил на свет.

Это был крошечный согбенный старичок с длинной бородой, длинными редкими волосами серого цвета и уродливым личиком мандрагоры. Его руки почти касались земли, а глазки-бусинки, состоявшие, казалось, из одного зрачка, глядели пронизательно. Он смотрел на стоявших перед ним людей со странной смесью зависти и презрения.

– Мемфис никогда не презирал ни одно живое существо, – сказал магмин. – Он не презирал и нас. Он наблюдал за нами на всем протяжении нашей истории. Он видел, какими мы пришли из Лемурии. Он знал и о падении нашей страны, о погружении в волны материка... Он летал над тем местом, где некогда была Атлантида. Он рассказывал нам об этом. Он никогда не пренебрегал нами. А Амида был другим. Он презирал живые существа, если те были слабее его. Он совершал ошибки. Он попал в ловушку. Мы помогли Мемфису одержать верх. Вы видели Мемфиса?

– Да. Это он показал нам дорогу сюда, – сказал Гирадо и вежливо поклонился карлику. – У нас очень важное дело, почтенный. Если ты согласишься нам, то сможешь спасти царство от страшных чар.

– Колдовство людей! – карлик плюнул себе под ноги. – Как это глупо! Ничтожные создания куют ничтожные заклинания ради ничтожных целей! В этом нет никакого сострадания к живым существам. Это непочтенно, это очень глупо. Это портит карму. Нельзя так поступать.

– Мы не хотим ковать заклинания, – быстро проговорил Гирадо, чтобы не дать Конану вступить в беседу и присоединить свой могучий глас к мнению карлика о заклинаниях.

Гирадо достаточно уже наслушался рассуждений киммерийца на тему «хороший колдун – мертвый колдун» и не хотел, чтобы эту арию Конан с карликом исполнили дуэтом. Он справедливо опасался, что подобное исполнение займет не один час.

– Значит, не заклинания ваша цель? – повторил магмин.

– Ни в коем случае! – заверил Гирадо.

– Разве не амулеты у тебя на поясе, человек? – в третий раз спросил карлик.

Смутившись, Гирадо прикрыл пояс ладонью.

– Да, амулеты, но совсем слабенькие... Скорее, сувениры. Напоминания о некоторых... вещах. О встречах и странствиях. О том, что я должен почитать богов и духов. Не более того. Ну и пара сонных зелий – если вдруг не смогу заснуть. Иногда у меня бывают тревожные мысли, и я долго ворочаюсь без сна...

– Смешно! – Магмин затрясся от смеха. Смеялся он странно: втянув голову в плечи и чуть согнув в локтях руки, подпрыгивал на месте, выпуская глухой звук: «ух, ух, ух!».

– Мне тоже, – встрял Конан. – Мне тоже смешно все это слушать. Вот что я расскажу тебе. Там, наверху, есть одна вздорная бабенка, колдунья, которая хочет соединить все четыре стихии и таким образом завладеть душами всех живых существ, до каких только дотянется. Она попортит им карму, можешь мне поверить! Б ней нет никакого... э... сострадания к живым существам. И карма у ней – хуже некуда, а будет – совсем кошмарная, уж ты мне поверь! Я в этом деле знаток, мне сам Мемфис рассказывал.

Карлик зашевелил сморщенным личиком, задвигал длинным извилистым носом, скривил рот сперва на одну сторону, потом на другую.

– Да? – проговорил он наконец. – Интересно то, что ты тут рассказывал. Какая это

колдунья?

– Ее зовут Мутэмэнет, – опять вступил в разговор Гирадо. – Это могущественная стигийская заклинательница. Ей уже много лет, не одна сотня – точно. Она выглядит как юная красавица...

– Красавица? – Брови магмина полезли вверх. – О ком это ты говоришь? О долговязой бледнорожей уродине с синей краской на лягушачьих веках, которая пролезла к нам в подземелье и отдала на хранение часть талисмана?

– Огненную, – быстро сказал Гирадо.

– Огненную... – повторил магмин задумчиво и с испытующим видом глянул на молодого стигийца. – Да, эта колдунья настоящая уродка.

Гладкая кожа, как будто смазанная слизью. Мясные красные губы. Отвратительно короткие руки. Да? Это она?

– Да, да. Она считает себя красавицей, но на самом деле – жаба жабой, – сказал Конан. – Уверен, что ты не ошибся, прозрев ее истинную сущность.

Магмин снова довольно закудахтал и наконец сказал:

– Идемте. Я проведу вас в наше селение и представлю старейшинам. Думаю, мы сможем доверить вам огненную часть талисмана, но только в том случае, если вы подробно расскажете нам свой план действий.

– А для чего вам знать наш план действий? – осведомился Конан, который и сам имел весьма смутные представления о том, в чем этот план может заключаться.

– Мы должны убедиться, что вы не намерены повредить ни одному живому существу, – объяснил карлик. – Если вы забудете о сострадании и нанесете ущерб созданиям мирового разума, то ухудшите тем самым нашу карму, поскольку мы стали вашими сообщниками.

– Странное у вас представление о карме, – брякнул Конан. Гирадо предостерегающе взглянул на своего восхитительно невежественного в религиозных вопросах спутника, и Конан догадливо замолчал. К счастью, магмин был увлечен своими мыслями.

Поселение магминов находилось глубоко под землей. В глубоком мраке то и дело появлялся дрожащий огонек, спрятанный внутри лампы со стенками из полупрозрачного камня – слюды или дымчатого хрусталя. Но эти лампы не столько разгоняли вечный сумрак, сколько подчеркивали его. Казалось, ничто не в состоянии залить эти подземные помещения торжествующим солнечным светом.

Но здешние обитатели в этом и не нуждались. Они давно привыкли к темноте и находили ее успокаивающей, способствующей глубоким раздумьям и погружению в самопознание. Их дома напоминали что угодно, только не человеческие жилища. В скалах, образующих стены бесчисленных коридоров и переходов, были вырезаны причудливые узоры. Тонкое каменное кружево переплеталось и, казалось, не ломалось только чудом. Здесь были и розы, и клубок змей, и сломанные ветки, перевязанные лентой, и фантастические существа, которые, возможно, обитают на дне самого глубокого из морей – того моря, что простерлось над землями погибшей Лемурии...

Посреди этой резьбы то и дело мелькали глаза. Огонь факела, который нес варвар, отражался в расширенных зрачках, и тогда вспыхивало желтоватое или красноватое пламя. Множество подземных жителей следили за шествием, предпочитая, однако, оставаться у себя дома и не присоединяться к чужакам.

За этими ажурными «ставнями» или, лучше сказать, «воротами» находились сами жилища. Конан не мог разглядеть, имелась ли там какая-то мебель, но подозревал, что она тоже из камня. Одежда на магминах была кожаная, из выделанных шкурок каких-то существ, которые также обитали под землей. Про себя Конан надеялся, что это не крысы.

– Крысы? – переспросил Гирадо, и тут киммериец понял, что последнюю мысль высказал вслух. Он шепотом выругался: нельзя слишком погружаться в самопознание, иначе это выльется в процесс познания твоих мыслей посторонними – что, в свою очередь, плохо скажется на карме. Потому что если посторонние узнают что-либо лишнее, Конану придется отправить их в мир иной. А это плохо скажется на карме... И вообще, слишком много вещей

плохо сказываются на карме!

Конан плюнул себе под ноги, решив больше даже в шутку никогда не думать в подобных выражениях.

Киммериец не верил ни в какую карму. Человек рождается на земле и живет один раз. И если он достойно прожил и (что еще более важно) достойно умер, то свирепый бог Кром весело примет его в своих гостеприимных холодных чертогах, где идет богатырский пир. Вот и все. Вот и все.

– Какие крысы? – настойчиво повторил Гирандо, дернув Конана за рукав. Почему ты говоришь о крысах?

– Я не говорю о крысах, – сказал Конан хмуро. – Мне просто интересно, из чьих шкурок они шьют себе одежду.

– Есть такие существа – подземные копатели, – сказал магмин. – Мы никогда не причиняем им вред. Мы не причиняем вреда живым существам...

– Шьете из дохлых? – поинтересовался Конан вежливо.

– О, да! – охотно подтвердил магмин. – Когда мы находим умершего копателя, мы совершаем над ним погребальный ритуал, надеясь улучшить его и свою карму.

(Конан отчетливо скрипнул зубами).

– А затем мы снимаем с него его кожаную одежду, которая больше ему не нужна, и относим ее нашим дубильщикам. Тело же предаем тлению.

– В смысле?

– Обливаем его горячей водой, чтобы ускорить процессы разложения, а когда оно окончательно сливается с землей, которая его породила... – пустился в объяснения магмин.

Конан страшно сморщился в приступе брезгливости. Его красивое, хотя и грубоватое лицо превратилось на миг в отвратительную маску.

Гирандо поспешил перевести разговор на другую тему:

– Как ты думаешь, почтенный, хорошо ли отнесутся ваши старейшины к нашей просьбе?

– То, что вы хотите забрать, не принадлежит нам, – бесстрастно сказал магмин. – То, что вы хотите забрать, может ухудшить нашу карму. Думаю, старейшины отнесутся к вашей просьбе благосклонно.

Так и случилось. Большой зал совета, куда магмин доставил пришельцев, представлял собой еще одну просторную подземную пещеру с небольшим озером посередине.

Но здесь не было ни каменного лотоса, ни ледяной статуи. Одна стена пещеры была полностью изрезана все теми же причудливыми узорами. На сей раз, они представляли собой переплетающиеся листья, длинные и узкие. Конан никогда не видел растения с такими листьями, однако подозревал, что подобные росли некогда в Лемурии.

Среди этих каменных листьев восседали магмины. Их было великое множество. Повсюду к узорным решеткам приникали их сморщенные, коричневые личики, отовсюду свешивались разлохмаченные бороды и длинные, тонкие серые пряди нечесаных волос. Конан и Гирандо остановились на берегу озера, оглядываясь по сторонам. Они так и не поняли, являются ли все собравшиеся здесь магмины старейшинами или же решение принимают лишь немногие, а большинство – только зрители.

Подземный город не слишком нравился Конану. Здесь было тесно – не развернуться, не взмахнуть мечом. И темно – отовсюду мог напасть невидимый враг. Да и вообще, киммериец любил яркий свет, открытое пространство, свежий воздух. В его жизни нередко выпадали моменты, когда он был лишен всего этого, и Конан всегда неудержимо стремился к свободе, к простору.

А вот Гирандо, кажется, был потрясен представшей ему картиной. Как истинный сын Стигии – то, что Конан не без презрения именовал «цивилизованным человеком», – он чрезвычайно высоко ценил произведения искусства. Резьба по камню, в которой магмины достигли такого совершенства, принадлежала, несомненно, к числу тех искусств, что завораживали ценителя.

– Итак, – зазвучал голос, тысячекратно усиленный эхом, – перед нами два чужака. Говорите!

Гирадо не сразу понял, что обращаются к ним. Выждав немного – не желают ли заговорить магмины, – он выступил вперед и начал:

– Мага из Стигии, Мутэмэнет, отдала вам на сохранение огненный талисман. Мы пришли за ним.

– По поручению маги? – спросил гулкий голос.

– Нет. Мы – ее враги.

Гирадо отвечал определенно, без околичностей, поскольку успел немного изучить магминов по разговору с их провожатым. Здесь не требовалось лукавить, прибегая к пышным витиеватым оборотам речи. У магминов были союзники и соперники. Точнее, магмины воображали, что имели таковых. На самом деле почти никто на земной поверхности не имел об этом маленьком вымирающем народце никакого представления.

– Хорошо. Мага не понравилась народу магминов, – произнес голос с удовлетворением. – Ее поручение охранять огненный талисман было принято нашим народом только потому, что мы боялись отказом ухудшить нашу карму. Но если мы отдадим талисман пришельцам, то мы, несомненно, еще больше улучшим нашу карму. Вы можете забрать его.

Послышался мелодичный звон, как будто ветер осторожно ласкал десяток колокольчиков самых разных размеров, от толстого крепыша до тоненького малыша. Откуда-то сверху медленно начала спускаться цепочка. Вероятно, действовали некие скрытые в толщах скал механизмы, разработанные магминами, – но ни Конан, ни Гирадо наверняка ничего сказать не могли. Цепочка повисла перед резными листьями, на уровне верхнего яруса, и остановилась. На нижнем ее конце находился небольшой предмет, плоский и бесформенный, – обломок талисмана, как справедливо предположил Конан.

Этот предмет тихо мерцал в полумраке.

– Надеюсь, он не горячий, – прошептал Конан на ухо своему спутнику.

– У меня есть каменный футляр, – ответил Гирадо очень тихо. – Я предвидел такую вероятность.

Он приблизился к талисману и протянул к нему руку.

– Будь осторожен! – вскрикнул один из магминов. – Эта вещь раскалена! Мы время от времени опускали ее в холодные воды нашего священного озера...

Остановленный вовремя, Гирадо принялся копаться в своем поясе и наконец вытащил небольшую каменную коробочку. Талисман был помещен туда с великими предосторожностями. Затем его обернули несколькими слоями выделанной замши (Гирадо предпочел не думать о том, кому прежде принадлежала эта «кожаная одежда» и каким образом с нею расстались прежние владельцы).

– Вы должны теперь покинуть наши владения, – торжественно молвил голос. – Идите вперед и вперед. Скоро дорога поведет вас наверх. Вы окажетесь на поверхности, под этими страшными, отвратительными, обжигающими лучами, которые могут расплавить глаза, если их вовремя не закрыть. Прощайте.

– Прощайте! – закричал вдруг Конан во всю мощь своих легких и с удовольствием услышал, как где-то очень далеко отозвались ему потревоженные колокольчики.

Луксур открылся двум путникам великолепием пестрых витых башен, мощью ослепительно белых стен, скупой зеленью садов, стиснутых оградами... и, конечно, стражей. Стражники у ворот без интереса смотрели на странную пару путешественников, которых роднило, пожалуй, только одно: оба были пыльными, оборванными и уставшими.

Во всем остальном эти двое разнились. Один – рослый мускулистый северянин, вооруженный только мечом, рукоять которого выглядывала из-за могучего загорелого плеча. Второй – маленький верткий стигиец, с головы до ног увешанный амулетами, талисманами и разными мешочками, где хранились снадобья, порошки, корни и прочее.

Отобрав у путников последние несколько монет, стражники равнодушно пропустили их в город, Конан хмуро поглядел на алчных блюстителей закона, но счел за благо

промолчать. Его занимало другое: как попасть во дворец Мутэмэнет и как вынести оттуда сокровища. Нетрудно догадаться, что пленный брат стигийца беспокоил его мало.

Нет, иная дума точила киммерийца. По своему опыту общения с магами и их сокровищницами он хорошо знал: далеко не все, что выглядит драгоценными камнями и золотом в подвалах какого-нибудь чужодея, является таковым на самом деле. Тратишь колоссальные усилия, сражаешься с демонами, побеждаешь, в конце концов, самого мага – и в результате становишься счастливым обладателем кучи сырой глины или... того хуже. У колдунов специфическое и довольно злобное чувство юмора.

Нет, нужно сперва хорошенько, как следует приглядеться...

Когда узкие, извилистые улицы Луксура поглотили их, Гирано тихонько хмыкнул и вытащил откуда-то из своего богатого арсенала мешочков и потайных кармашков несколько серебряных монет. Конан присвистнул.

– Похоже, ты задался целью перешеголять меня, стигиец.

– Просто я предусмотрителен, – скромно отозвался Гирано. Он был польщен похвалой киммерийца.

Недолго думая, оба приятеля завернули в ближайшую таверну. Она называлась «Разбитая ваза». В полном соответствии с этим названием все кувшины и вазы, стоявшие в нишах стен и служившие для украшения помещения, были разбиты или со щербиной. Странно, но это выглядело даже красиво. Все целые кувшины, с точки зрения варвара, были на одно «лицо»; а вот разбитые представляли довольно живописную картинку. А что бесполезны... Что ж, были ведь другие кувшины, совершенно целые, и в них хозяин подавал гостям вино и воду.

Путники остановились у прилавка. Это был широкий массивный прилавок, сделанный из кирпича-сырца. Прямо в него был вмонтирован большой котел, а внизу, в широком очаге, горел огонь. В котле что-то булькало. Чадный дым полз по улице, однако в самой таверне было прохладно и довольно свежо. Конан уже встречался с подобными тавернами. Это было типично южное изобретение, характерное для тех мест, где дорожили тенью и прохладой. На севере все обстояло наоборот: очаг помещался в глубине помещения, чтобы согреть его, а запахи съестного заполняли весь дом и сладко щекотали ноздри. Что ни страна, то свой обычай, философски подумал Конан.

Хозяин таверны, малопримечательный смуглый тип, предложил гостям по плошке каши с мясом (надо отдать ему должное, он не поскупился и положил с «горкой») и по кувшину кислого, сильно разбавленного вина. Нагруженные плошками и выпивкой, приятели зашли внутрь и заняли место на вытертом ковре, среди разбитых сосудов, перед низким, сильно запачканным столом.

– Местечко не ахти, – признал Гирано. – Когда я был помладше, здесь было почище.

– С тех пор прошло некоторое время, – сказал Конан, – и столы успели засалиться. Просто тогда они были новыми.

Гирано фыркнул.

– На все у тебя найдется ответ, Конан.

Конан промолчал. Он прислушивался к разговорам, которые велись в тавернах. А послушать стоило. Здесь только о том и говорили, что Стигию захлестывает нашествие невиданных злобных тварей. Конечно, темному королевству не впервой было встречаться с демонами во плоти. Слишком много магов здесь жили, и среди этих магов всегда находился, такой, который мечтал о господстве если не над всем обитаемым миром, то по крайней мере над Стигией и соседними царствами. А подземное божество мрака, Сет, которому поклонялись в этой стране, всегда был на стороне черной магии и усиливал любое заклинание.

Но то, что творилось сейчас, пугало даже привычных ко всему стигийцев. Поля опустошены. Стаи странных птиц с узким телом и железными клювами вытаскивают из земли любое зерно, любую травинку, а крестьян, которые пытаются этому помешать, бьют по голове, по лицу, по рукам своими страшными крепкими клювами, пока люди не падают

замертво, обливаясь кровью.

Реки кишат змеями. Сколько раз уже случалось, что человек пытается постирать одежду или набрать воды, а на него набрасывается целый клубок извивающихся холодных тварей. Они жалят человека, обвивают его длинными телами и утаскивают на дно, чтобы проглотить. Нигде нет спасения от разбушевавшихся стихий. Реки выходят из берегов, то и дело начинаются ураганы или неведомо откуда прилетают смерчи. Потоки взбесившегося воздуха выдергивают из земли целые деревья или дома, а потом с силой бросают их вниз, с большой высоты. Число жертв все растет, и нет конца бедствию. Причину называли шепотом: магия. Подозревали то одного, то другого известного мага, однако уверенности ни у кого не было. Да и потом, даже если бы обитатели Стигии узнали доподлинно, кто из великих мастеров Черного Искусства стал причиной нового бедствия, – разве посмели бы обыкновенные люди поднять руку на могущественного чародея? Им оставалось только страдать, тайно роптать – и погибать в катаклизмах...

Конан слушал очень внимательно. Его интересовали подробности. Пока что подтверждалось все, о чем говорил ему Гирадо, – четыре стихии вышли из-под контроля богов. Они вырвались на волю благодаря заклинаниям маги Мутэмэнет и ее беспутных сыновей. Гирадо прав: долго так продолжаться не может. Мага предпримет свои меры. Вероятнее всего, она попытается остановить стихии, а затем возьмется за создание новых сыновей. Для чего ей понадобится новый супруг, потому что старый... кстати, может быть, она решит воспользоваться и прежним. Если только она сохранила его тело.

Здесь Конан вступил на зыбкую почву предположений и потому прекратил всякие раздумья на эту тему.

Доев кашу, он обратился к своему спутнику:

– Что теперь?

– Я бы поспал... – признался Гирадо.

– Нет уж! Лично я не намерен оставаться в этом осином гнезде дольше, чем, это необходимо! Пойдем к логову колдуньи, осмотримся, а потом...

– Я хочу спать! – почти капризным тоном произнес Гирадо, и Конан вдруг вспомнил о том, что его приятель – младший сын от последнего брака. Конечно, едва оказавшись в родном городе, он снова почувствовал себя баловнем, которому все уступают просто потому, что он «маленький».

Слушай, Гирадо, я ведь не твой папочка, – зашипел Конан. – Говорю тебе, спать будешь потом, когда свернем шею этой ядовитой гадюке, Мут...

– Тс-с! – испуганно вскрикнул Гирадо. – Не называй ее имени! Зови лучше «гадюкой», если тебе нравится такое прозвище. Или гадиной. Как угодно, только не по имени, иначе она может нас услышать.

– Ой, ой, ой. Я испуган, – фыркнул Конан. – Ладно, будь по-твоему. Сперва покажи мне ее особняк, а потом, так и быть, ступай отдыхать. А я хочу осмотреться.

В таверне нашлась свободная каморка прямо под крышей. Она стоила дешево, потому что ночью там было холодно, а днем – невыносимо жарко, но приятели согласились на эти условия. Выбирать им было некогда, да и денег, припрятанных Гирадо, хватит ненадолго.

Оставив там свои вещи, Гирадо спустился вниз, в общий зал, где Конан изумленно рассматривал разбитый им кувшин.

– Только что был целый... – пробормотал киммериец. – Случайно упал на пол. Не знаю сам, как это получилось...

– Наверное, он был с трещиной, – утешил Гирадо. – Поставь его в нишу, хозяин ничего не заметит.

Так Конан и поступил.

Хозяин таверны действительно ничего не заметил.

Шагая по роскошным улицам, Гирадо оживленно вертел головой, и было заметно, что он рад вернуться домой. Конан не понимал, как можно считать этот вонючий городишко «домом».

Здесь на улицах полно ослов и верблюдов, люди одеты по большей части в лохмотья, о мостовых, как правило, нет и речи – хотя центральная часть города все-таки вымощена деревянными брусками. Зато дворцы великолепны и зловещая красота храма Сета завораживает. Впрочем, для Конана это не имело значения. Его витыми башенками и острыми шпилями не проймешь. Он побывал уже во многих славных городах Хайбории, например, в Арэнджуне, и навидался разных чудес.

Нет, киммериец по своей натуре – практик. Ему покажи горсть настоящих золотых монет или веселую красавицу – вот это производит впечатление. А все эти ухищрения, за которыми прячется зло, коварное и таинственное... Это не для Конана из Киммерии!

Дворец Мутэмэнет находился чуть в стороне от святилища, однако в опасной близости к нему. Это было большое здание, щедро украшенное башенками и причудливыми окнами. Конан презрительно присвистнул, прикинув, как просто опытному скалолазу взобраться по этому фасаду, однако Гирандо поспешил остудить его пыл:

– Рано радуешься. То, что выглядит снаружи как окна, на самом деле – глухая стена. Окна находятся совсем в другом месте, и ты их не найдешь, разве что случайно. Мага заколдовала свой дом. Внешне он один, а на самом деле – абсолютно другой. И расположение комнат не такое, как представляется при первом взгляде. Более того, комнаты иногда меняются местами. Не знаю, как она это делает.

– Наверное, переставляет мебель, – предположил Конан.

– Нет, – Гирандо не поддержал шутку, – тут все гораздо серьезнее...

Они несколько раз обошли особняк кругом. Затем Конан отпустил своего приятеля отдыхать. Усталый Гирандо мог и в самом деле наломать дров. Пусть лучше выспится и хорошо соображает. Терпеть его зевания над ухом Конан не желал.

А Конан остался. Закутавшись в плащ, он уселся прямо на мостовую и задумался. По Стигии гуляют демоны, повелевающие стихиями. Это плохо, потому что демоны обычно не останавливаются в границах одного королевства и пытаются распространить свои безобразия на сопредельные страны. Мутэмэнет лелеет новые замыслы относительно новых сыновей, которые помогут ей захватить власть. Еще одна головная боль. Гирандо хочет освободить душу своего брата, которого никогда не видел. Очень похвально и благородно. А чего добивается Конан?

Ответ очевиден, сказал себе варвар. У чертовки наверняка имеется сокровищница. Добраться до золота и самоцветов, а потом уехать куда-нибудь в Арэнджун и там пожить широко и весело.

Но как проникнуть в особняк, если он – мало того, что заколдован и наверняка хорошо охраняется, – да еще и не то, чем кажется?

Поразмыслив, Конан изобрел довольно дерзкий план.

– Нет! – закричал Гирандо, едва киммериец поделился с ним своей задумкой. – Нет, нет и нет! Ты сошел с ума! Ты еще не знаешь, на что она способна!

– А ты, похоже, не знаешь, на что способен я! – заявил северянин. – Иначе не стал бы так переживать. Я хочу познакомиться с этой бабой. Кто лучше меня подходит на роль отца ее будущих ублюдков? Посмотри на меня, Гирандо! Взгляни на это роскошное тело ты, жалкий стигийский заморыш!

Гирандо медленно краснел, а Конан тем временем скинул плащ и вертелся перед своим собеседником, точно красующаяся модница.

– Оцени крепость этих мышц, статность этого торса, привлекательность этого честного лица!

Тут он скорчил такую ужасную рожу, что Гирандо не выдержал и расхохотался.

– Кто наговорил тебе этих красивых слов о тебе самом, киммериец? Вряд ли ты додумался до этого сам!

– Мне говорили об этом разные женщины, – важно ответил Конан. – Женщины, которые понимают толк в мужской красоте. Говорю тебе, ведьма не устоит передо мной. Она захочет заполучить Конана-киммерийца и нарожать от него красивых, крепких и умных

сыновей. Я, конечно, мог бы дать ей их, но...

– Но? – переспросил Гирадо.

– Но ненавижу ведьм! – быстро ответил Конан. – Поэтому она будет ужасно разочарована, можешь мне поверить! Как ты считаешь, сумею я свернуть ей шею?

– Она заколдована с головы до ног, – сказал Гирадо. – Заклятьями можно одеться не хуже, чем броней.

– У нее должно быть уязвимое место, – проговорил Конан. – Это закон. Ни один маг не может практиковать свое черное искусство, если у него нет уязвимого места. Иначе он превратился бы в бога, а боги такого не потерпят.

– Откуда ты все это знаешь? – поразился Гирадо. – Ты ведь не обучался магии.

– А, – небрежно отмахнулся Конан, – я разве тебе не говорил? Многие колдуны перед смертью становятся дьявольски разговорчивыми. Рассказывают разную ерунду. А вот видишь – пригодилась и ерунда...

– Кто знает, – проговорил Гирадо задумчиво, – может, у тебя и получится...

И Конан отправился «ловить» Мутэмзет. Плащ он оставил приятелю. Полуобнаженный, он небрежно прогуливался по улице перед домом маги. В руке – кувшин с вином, за поясом – стаканчик для игры в кости. Гуляка, который обдумывает, как бы получше провести время.

Мага наблюдала за ним из скрытого окна. Этот великолепный образчик мужской породы – как и предсказывал Конан – не оставил ее равнодушной. Обычно она мало интересовалась мужчинами. Разве что они требовались ей для магических опытов. И вот теперь как раз настало такое время – и боги послали ей этого пьяного северянина. Стоит залучить его в дом и посмотреть, на что он способен. Мага не сомневалась, что в случае необходимости она легко сумеет избавиться от нежелательного партнера. В конце концов, он всего лишь глупый мужчина, варвар, у которого в голове винный туман и смутные образы восточных красавиц.

Закутавшись в темно-синее покрывало, расписанное звездами и астрологическими знаками, мага выскользнула из своего особняка. Конан заметил ее почти сразу и радостно вздрогнул: попалась! Он намеренно широко зевнул и замурлыкал солдатскую песню. Женщина приближалась к нему соблазнительной походкой, плавно покачивая бедрами. В который раз уже Конан поражался тому, как умеют соблазнять здешние красотки: ни лица, ни фигуры не видно под просторным покрывалом, однако движения говорят порой красноречивей взглядов и жестов.

Оказавшись рядом с варваром, красавица чуть сдвинула покрывало с лица и одарила Конана долгим взглядом прекрасных глаз.

– Здравствуй, – прошептали невидимые губы. – Кто ты, удивительный мужчина, взволновавший мое сердце?

– Ух ты! – вымолвил варвар и рыгнул. – Ну да! Вот это номер!

И выпучил глаза, чтобы казаться еще глупее. Она снисходительно улыбнулась – он понял это по тому, как сощурились глаза.

– Как твое имя, красавец? – повторила она свой вопрос.

– Ну, это... меня звать Конан, – сказал Конан. – А ты?

– Зови меня Мут, – произнесла женщина голосом, прозвеневшим, как горный ручей.

– Ух ты! – сказал варвар. – Мут. Ну ты и красотка! А все остальное, что у тебя под покрывалом, ты мне покажешь?

Женщина засмеялась.

– Какой ты быстрый!

– А чего ждать? – поразился варвар. – Давай уж сразу. Ежели я тебе глянулся, так и ты, того... раздевайся и показывай, чего там у тебя.

Глазки-то как горят! Глазки красивые.

– Все остальное – тоже, – сказала Мут. – А теперь сделай мне одолжение: помолчи. С виду ты хорош, а вот говоришь отвратительно.

И Конан вдруг понял, что действительно не может произнести ни звука. На мгновение страшная злоба захлестнула его.

Вот так дела! Едва он познакомился с проклятой ведьмой, как она сразу же его заколдовала. Но потом он подумал о другом. Как только он дознается, где у нее уязвимое место и убьет ее, заклятие будет снято. Так что и переживать особо не из-за чего.

Он глупо улыбнулся и позволил ей увести себя за собой.

Дворец действительно оказался совершенно не таким, каким выглядел снаружи. С улицы был виден приятный, немного легкомысленный особнячок, вычурный, выкрашенный в веселые цвета – розовый, голубой и желтый. Но стоило, зайти за ограду, как все разительно менялось. Башенки превращались в остроконечные металлические штыри, нависавшие по всему фасаду и делавшие невозможным попадание на крышу.

Крыша щетинилась колючками и острыми шипами – пройти по ней было также немислимо. Окна, расположенные совершенно не там, где представлялось поначалу, были мутными, закрытыми каким-то странным стеклом, отражавшим все что угодно, кроме реального мира. Конан видел, как в темных стеклах мелькали демонические лица, искаженные оскалом рожи, перепончатые крылья, когтистые лапы... иногда разверзалась пропасть, которая проглатывала эти образы, но тотчас извергала наружу другие, еще более жуткие. Варвар не мог понять, была ли то иллюзия, или же эти окна глядели в какой-то другой, демонический мир. Возможно, последнее ближе к истине, если учесть, какого рода магию практикует хозяйка особняка.

Невысокая дверь, обитая железом, отворилась бесшумно, едва только мага показала на нее пальцем. За дверью никого не оказалось, однако этому Конан как раз не удивился. Он не раз уже видал подобные штучки в обиталищах других волшебников.

Однако «простак»-Конан, которым прикидывался варвар, просто обязан был удивиться этому нехитрому трюку. Поэтому он немо промышчал что-то, что должно было выразить изумление. Мага метнула на своего добровольного пленника взгляд, в котором Конан прочитал недоверие и вместе с тем удовольствие. Про себя варвар хмыкнул: какой бы изощренной и древней не была эта волшебница, ей не чуждо самое обыкновенное женское кокетство и желание нравиться. Она, небось, уж решила, будто насмерть поразила примитивное воображение незадачливого обожателя!

Внутри дворец был поистине огромным. Снаружи он казался довольно маленьким, но чары исказили пространство, замкнутое между этими стенами. Бесконечно тянулись анфилады роскошно убранных комнат, сменяясь извилистыми коридорами, переходами с лесенками, ведущими то вверх, то вниз, и прозрачными крытыми мостами, откуда можно было видеть внутренние дворы со статуями, деревьями и фонтанами. Однако ничто не остается безнаказанным, даже в мире магии. Искривленное пространство «мстило» за себя: многие вещи казались здесь искаженными, как будто смазанными или растянутыми. Стулья и столы с нарушенными пропорциями, позолоченные львиные головы и тела леопардов и пантер из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, – в такой форме была создана здесь почти вся мебель, – казались изуродованными. Их как будто долго вытягивали на дыбе, прежде чем поставить здесь, в покоях маги, для ее услаждения. Морды животных из алебаstra, резной кости, драгоценных пород деревьев навеки застыли в страдальческих оскалах. Лапы их в смертельной муке скребли паркетные полы и драгоценные пушистые ковры.

Хрустальные шары, служившие здесь для отражения и рассеивания света, горевшего внутри, – Конан так и не понял, каким образом устроены эти лампы, – выглядели приплюснутыми, хотя на ощупь они оказались идеально круглой формы. Варвар неустанно вертел головой, делая вид, что восхищается открывшейся ему роскошью, – в каждом покое был свой особенный стиль, не повторяющийся больше нигде.

На самом деле он изучал характер маги. И чем больше он смотрел, на вещи, которыми окружала себя Мутэмэнет, тем лучше понимал эту женщину.

Мутэмэнет любила, чтобы все вокруг служило ее удовольствию. Ради этого она не

останавливалась ни перед чем. Она была готова перекроить весь мир по собственной мерке, лишь бы ей, колдунье, было здесь удобно. Комфорт – вот ее божество. И ради этого она много столетий изучала черные искусства, предала свою душу Сету, научилась управлять пространством и временем, завоевала себе бессмертное, прекрасное тело... Ради комфорта!

Конан едва сдержался, чтобы не плюнуть на изумительные узорные полы. Комната, в которой они сейчас находились, представляла собой модель вселенной. Потолок ее был расписан звездами и знаками зодиака – совершенно такими же, что и на плаще хозяйки особняка. Темно-синее небо с золотыми звездами и серебряными планетами и потоками космических энергий как будто накрывало присутствующих куполом. Все четыре стены – окна здесь не было – расписаны пальмами, кустами, различными растениями из далеких стран, от самых северных, где могут выжить только коренастые низкорослые кустарники, причудливо изогнутые в бесконечной борьбе против злых ледяных ветров, до самых южных, с мясистыми листьями и сочными водянистыми плодами, с ароматической смолой, от которой люди дуреют и впадают в странное полузабытье, полное волшебных и ужасающих грез.

А под ногами искусная инкрустация из различных пород дерева изображала саму землю и прежде всего населявших ее гадов – самых разных змей, скорпионов, пауков, ядовитых тарантулов. Конан поражался тому, насколько тщательно изобразили неведомые мастера этих отвратительных ядовитых созданий. Казалось, будто ступаешь по кишасим внизу смертельно опасным тварям. Вот такой должна быть вселенная, которой жаждет управлять Мутэмэнет, понял внезапно Конан. И еще эта вселенная будет искаженной – как искажен мир, втиснутый в стены ее особняка. Этой же цели служат отвратительные демоны, вырвавшиеся на волю из неведомых пространств и миров вследствие оплошности, допущенной сыновьями магии. Мутэмэнет, поразмыслив, решила оставить их действовать на свободе. Ей необходимо внести хаос в упорядоченный мир людей.

У одной из стен находился хрустальный гроб. Конану не потребовалось заглядывать туда, чтобы знать, кто там похоронен: незадачливые сыновья Мут. Племянники Гирадо, подумал он со внезапным злорадством. Да, вот это родственнички!

А Мут по-прежнему улыбалась ему таинственно и призывно. Конана едва не стошнило от этой улыбки.

«Вот ведь чертовка, – подумал он, – считает себя неотразимой. Тьфу! Обыкновенная ядовитая гадина... Интересно, умеет ли она читать чужие мысли? Дай-ка попробую... Дура! Нет, не реагирует. Надо подумать что-нибудь такое, на что среагирует любая женщина, даже самая умная. Ведь баба – она и есть баба, что ей всего дороже, будь она хоть царица, хоть богиня, хоть шлюха из придорожной харчевни? На свою драгоценную рожицу. У Мут – отвратная рожа. Вся раскрашенная. А вот если краску-то поскрести – что под ней? Небось, дряблая кожа. И глаза припухшие. И бородавки... И прыщи... И старческие пятна... Нет, не реагирует. Ага, мысли читать не умеет. Очень хорошо».

Чрезвычайно довольный собой и результатами проведенного исследования, Конан послушно пошел за Мутэмэнет дальше, углубляясь в недра ее заколдованного дворца.

Тем временем Гирадо уже проснулся и занимался своим делом. Он не стал в свое время посвящать Конана в то, насколько глубоко он проник в тайны магии, когда изучал некоторые ее дисциплины. Незачем варвару, который совершенно искренне считает, что «хороший маг – мертвый маг», знать некоторые вещи.

Например, то, что Гирадо умеет гораздо больше, чем может представить себе воин. Большинство его порошков, снадобий и чар – тьфу, ерунда, чтобы морочить голову легковерным крестьянам и путникам. Кое-что может отпугнуть разбойников, если те окажутся достаточно суеверными (а жизненный опыт научил Гирадо тому, что наиболее свирепые и жестокие грабители обычно больше всех подвержены самым грубым и примитивным суевериям и зачастую боятся обыкновенных призраков).

Но имелись в его арсенале и настоящие чары. И среди них – чары прозрачности стен.

Подобравшись поближе к особняку Мут, Гирадо осторожно насыпал вдоль улицы

тонкой струйкой песок. Песок был самый обычный – дело в том, какие слова при этом произносились. Каждое слово давалось молодому стигийцу с невероятным трудом. Оно словно оказывалось больше его рта, и выталкивать его наружу приходилось с усилием. К концу чтения заклятия губы Гирадо треснули, из угла рта текла струйка крови. Он посерел, покрылся каплями пота, но не мог даже поднять руки, чтобы вытереть его, и соленые струйки попадали ему в глаза.

Зато теперь он мог видеть. Пространство расступилось перед открывшимся внутренним взором Гирадо. Находясь на улице, он не мог попасть в само искаженное пространство дома Мутэмэнет, поэтому внутренний вид помещений открылся ему стиснутым, как бы сплюснутым, и все фигуры и предметы, находящиеся внутри, были искажены почти до неузнаваемости. Гирадо нашел Конана и хозяйку дома – тонких, как спицы, и сильно вытянутых вверх, словно в искажающем зеркале.

Мут что-то говорила варвару, а он кивал безмолвно, точно болванчик. «Или Конан действительно умеет ловко притворяться, – подумал Гирадо, – или она его заколдовала, и тогда дело плохо». Он лихорадочно обшаривал взглядом покой за покоем в поисках крупного рубина. Однако обнаружить камень среди такого множества вещей, да еще сильно измененных магией, оказалось делом очень непростым.

«Прекрасная и грозная Бэлит! – взмолился про себя стигиец. – Помоги мне! Пусть Мутэмэнет сделает что-нибудь такое, что откроет мне ее тайну!»

Но Бэлит, если и слышала эту горячую мольбу, не спешила прийти на помощь Гирадо, так что в конце концов молодому стигийцу пришлось полагаться только на свою смекалку и магические умения.

Тем временем Мут усадила Конана на мягкое ложе и принялась угощать разными напитками и фруктами. Он послушно ел и пил, а сам все оглядывался по сторонам, размышляя, как бы ему ловчее одолеть колдунью. Пока что ничто не подсказывало ему ответа. Кругом висели драпировки, такие тонкие, что поначалу они показались Конану просто паутиной. Многие имели прорехи, и Конан так и не понял, что это было – настоящие дыры, следы времени, или же какая-то особенная мода, установленная чародейкой для самой себя. Судя по всему, Мутэмэнет любила тлен и разложение. Ей нравилась пыль, скопившаяся на тонких тканях, повсюду свисавших с потолка в комнате, которую она избрала для наслаждений. Широкое ложе было застлано шкурами диких животных. Мутэмэнет сохранила морды убитых зверей, и все они скалились в предсмертной агонии. Клыки их блестели в свете масляных ламп, сделанных в виде скорпионов, терзающих собственную плоть высоко задранными ядовитыми хвостами.

Конан лениво растянулся на шкурах. Он и сам казался диким зверем, пойманным в ловушку и все же смертельно опасным. Мутэмэнет улеглась рядом с ним, поигрывая длинной черной прядью спутанных волос варвара. Внутренне Конан ухмылялся. Кем она себя воображает, эта заколдованная старуха? Неотразимой чаровницей? Ни на мгновение Конан не поддался чарам ее красоты... Ну, разве что на одно мгновение – когда она взглянула на него поверх покрывала там, на улице. А потом киммерийца так запросто не проведешь. Он ведь знает, кто она такая.

Мут потянулась, выгибая тело. Конан не мог не отметить, какой красивой формы была ее полная белая грудь. Покрывало в виде звездного неба, скомканное, валялось в ногах женщины. Мут как будто попирает небосвод, подумалось Конану. В этом вся ее сущность. Завладеть и растоптать. Завладеть...

Он протянул загорелую крепкую руку и погладил прохладное тело Мутэмэнет. На ощупь оно было шелковистым и податливым. Бедрa так и льнули к мужской ладони. Мут откинула назад голову, открывая белое нежное горло, и затрепетала. Давно уже Конан не видел рядом с собой в постели женщину, которая так трепетала бы в его объятиях.

Зарывав, точно дикий зверь, он стиснул Мут и прижал ее к себе.

– Что ты делаешь? – безмолвно кричал Гирадо, беснуясь по другую сторону прозрачной стены. – Конан! Опомнись! Конан! Приди в себя! Ты поддался ее чарам! О, боги!

О, Бэлит! Образуйте этого варвара! Пошлите хотя бы немного здравого ума в его тупую голову! Конан! Ты погубишь себя и всех нас!

Конан, естественно, его не слышал. Он ласкал Мут и наслаждался запахом ее волос. Это был сладковатый запах, немного похожий на дурман, и точно так же он опьянял, погружая в волшебные сны.

В рубиновой темнице бесстрастно наблюдала за любовниками душа пленного Уррутия. В нем пробуждались смутные воспоминания. Воспоминания о том, как некогда он сам – в те далекие времена, когда еще обладал плотью, крепким мужским телом, пахнущим потом и лошадьми, – ласкал эту красивую женщину. Как она извивалась в его объятиях, как... танцевала – другого слова он не мог подобрать, – когда они занимались любовью.

Она была восхитительна. Она была лучше всех других. Ни одна женщина не могла сравниться с Мут на ложе утех. Наверное, стоило отдать свое тело на растерзание крокодилам, а душу – на вечное пленение в рубиновой темнице. Цена немалая, но купленное этой ценой стоило затрат.

Любовь Мутэмэнет. Любовь? Разве мага знает, что такое любовь? Нет, страсть, плотская, низменная, но такая пылкая, такая... волшебная. Да, волшебная.

Душа Уррутия шелохнулась внутри рубина, и вокруг нее опять заколыхалась красноватая тьма, пронизанная золотыми искорками.

Интересно, какая судьба ждет нового возлюбленного Мут, неистового варвара? «Интересно», – подумал Уррутия. Но на самом деле ему было совершенно неинтересно. Он дремал внутри своей вечной тюрьмы. Он старался забыть о боли – и он забыл о ней. И теперь, когда боль грозила вот-вот пробудиться и вновь начать терзать свою жертву, он пытался подавить ее.

Сделанное – сделано. Прошлого не вернуть. Цена заплачена. Дело стоило того. Дремать. Спать. Небытие. Рубиновая мгла...

Пронзительный вопль Мутэмэнет разнесся по покоям. Вопль торжества, боли, ликования, счастья. Вслед за тем раздалось победоносное рычание варвара. Они разомкнули объятия и, тяжело дыша, раскинулись на звериных шкурах, лоснящихся от пота. Мут хватала воздух ртом.

– Негодай, – нежным голосом произнесла она, – ты едва меня не раздавил!

Ответом ей было невнятное урчание, похожее на те звуки, – которые издает насытившийся леопард.

– Я же заколдовала тебя, глупенький! – тихонько засмеялась Мут. – Ах я, дурочка! И забыла об этом. Ты не можешь мне ничего сказать. Ну, бедняжка, бедняжка. Ничего, я тебя приласкаю...

Конан фыркнул, как конь, и замотал длинными черными волосами.

– Ах ты мой хороший! – продолжала сюсюкать Мут. – Ну ладно, ладно...

Она задумчиво водила ладонью по его крепкому телу, но глядела теперь в другую сторону. Казалось, удалец-варвар совершенно покинул ее мысли, блуждавшие теперь совсем далеко. На самом деле Мут размышляла о том, как ей поступить с пленником. Для того, чтобы родить новых сыновей, ей понадобится держать Конана у себя почти четыре года. Сумеет ли она укротить его настолько, чтобы он не поднял бунт и не попытался сбежать за такой долгий срок? Мут сомневалась. Заколдовать его, превратить в полоумного идиота? Но захочется ли ей, маге, отдавать свое тело безмозглому куску мяса?

Проблемы, одни проблемы... Она вздохнула.

– Одни проблемы с вами, мужчинами, – проговорила она вслух.

Конан радостно замычал, соглашаясь с ее словами.

Мут снова потянулась и перевернулась на живот. Взяла со столика несколько виноградин, вложила в рот себе – затем Конану. Одна из ламп-скорпионов вдруг ярко вспыхнула, выбросила в воздух дымное облачко и погасла. Мут настороженно подняла голову.

– Это еще что такое? – произнесла она. – Почему?...

Но тут послышался громкий хлопок, и в воздухе, разрывая пространство, появилась человеческая фигура. Она вся была покрыта красными каплями.

Конан присмотрелся, и когда колыхания мути рассеялись и воздух вновь стал прозрачным, разглядел своего спутника – Гирадо. Одежда молодого стигийца была порвана в мелкие клочки и держалась на теле каким-то чудом. Множество крошечных, но глубоких ранок покрывало его кожу. Из этих ранок непрерывно текла кровь. Лицо, залитое кровью и распухшее, превратилось в страшную маску.

Гирадо скалился, и его красные зубы неприятно сверкали в свете оставшихся масляных ламп.

Одной рукой он размахивал перед собой, другой непрерывно сыпал какие-то разноцветные порошки. Пол под ним то и дело взрывался пестрыми огоньками, и тогда Гирадо подсказывал в воздухе.

Пылая яростью, Мут поднялась на ложе и простерла руки навстречу незваному гостю. Губы ее исказились, она изогнулась всем телом, готовясь произнести заклятие, но тут Конан схватил ее поперек живота и опрокинул обратно на ложе. Весело мыча, он раздвинул ее ноги и навалился сверху.

– Отпусти меня! Животное! – зашипела Мут. Конан чувствовал, как она бьется об его поистине железный живот, но вырваться не может. Как муха, накрытая ладонью на столе, подумал варвар и хмыкнул.

– Я больше не хочу тебя! – визжала Мут. Злые слезы брызгали из ее глаз, смывая синюю и золотую краску. По щекам поползли некрасивые потеки. Мага плакала от бессилия и ярости. Она пыталась произносить заклинания, но Конан закрывал ее рот поцелуем. А когда она начала двигать пальцами, чтобы вызвать себе на помощь невидимых слуг, Конан схватил ее за руки и с силой прижал к подушкам. Мут зарычала не хуже киммерийца, однако было поздно: варвар навалился сверху всей тяжестью и снова овладел ею.

И теперь, подчиненная воле мужчины, мага ничего не могла поделать. Она даже дышала с трудом – об этом Конан позаботился тоже.

– Быстрее! – крикнул варвар своему сообщнику, и тут с удивлением и радостью понял, что дар речи к нему вернулся. Видимо, мага ослабела. – Я не смогу делать это слишком долго!

– Понял! – откликнулся Гирадо.

Он попытался опуститься на пол, но заклинание левитации оказалось слишком сильным, поэтому молодой стигиец продолжал плавать по воздуху, время от времени выбрасывая вспышки пламени. Наконец он завопил:

– Нашел!

И схватил большой красный рубин. Душа посмотрела на него изнутри.

– Брат! – надрывался Гирадо, в то время как Конан начал уже рычать и вскрикивать, лежа на распятой маге. – Брат, ты меня слышишь? Я освобожу тебя!

– У меня... нет... тела, – донеслось из кристалла. Голос звучал глухо, но отчетливо. – Я... только... душа.

В панике Гирадо начал оглядываться по сторонам, и неожиданная мысль осенила его.

– У тебя нет тела? – закричал он. – Оч-чень хорошо! А кое у кого совсем нет души! Я изгоню эту душу! Я заточу ее в кристалл! А тебя освобожу, брат!

– Быстрее! – надрывался Конан. – Я больше не могу!

И он закричал так, как кричат в чаще дикие звери по весне. Гирадо схватил рубин и изо всех сил ударил его об пол. Одновременно с этим он вывернул несколько мешочков, висевших у него на поясе, и их содержимое просыпалось на пол. Гирадо принадлежал к той школе магов, которая называется «интуитивной». Эти маги, как считалось, знали свое ремесло настолько хорошо, что могли действовать интуитивно. Рука сама нащупывала нужные снадобья, на ум сами собой приходили нужные заклинания. На самом деле истинных мастеров «интуитивной» магии почти не существовало. Большинство «интуитивистов» были попросту недоучками, а свое невежество они прятали за научными

терминами.

И Гирадо, конечно же, принадлежал к их числу. Поэтому он и сыпанул то, что подвернулось ему под руку, а после зажмурился и стал ждать результатов.

И результаты превзошли все его ожидания!

Раздался страшный взрыв. С грохотом разлетелись в стороны камни. Обвалился – как почудилось магу-неудачнику – не потолок, а само небо. Пространство, доселе стиснутое и укрощенное, освободилось и расширилось во все стороны. Поднялся страшный ветер. Он подхватил людей и предметы.

В последнюю минуту Гирадо успел ухватиться за какое-то дерево, а Конан и Мут, вцепившись друг в друга, полетели прочь и сильно ударились о железную ограду. Мут вдруг обмякла, как будто жизнь покинула ее. Конан с отвращением оттолкнул ее от себя. Мягко, как тряпка, мага повалилась на траву.

А вокруг бушевала настоящая буря. Небо над головами потемнело. Жители Луксура в панике бежали по улицам. Ветром срывало черепицу и бросало ее на мостовую. Один человек был уже ранен – он проскакал мимо Конана, держась за рану на голове и явно никого не замечая. Из улиц и переулков доносились треск, стук, жалобные крики, мольбы о помощи.

Над храмом Сета гуще за клубился дым, как будто жрецы, перепуганные невиданным явлением, решили удвоить рвение и начали приносить жертвы раньше установленного времени. «Вряд ли Сет будет настолько любезен и поможет своим приверженцам», – подумал Конан. Сет никогда не славился любовью к людям. Он рассматривал их, скорее, как пищу.

Облака, густые и черные, низко неслись над городом, задевая башни и шпили. В общем грохоте и крике слышался протяжный тонкий вой, как будто рыдал кто-то запертый в другом мире.

– Талисманы! – над ухом Конана задышался знакомый голос Гирадо. – Давай!

– Они у тебя, – напомнил варвар, сам удивляясь собственному спокойствию. – Что ты наворотил, Гирадо?

– А? – переспросил стигиец, нащупывая на поясе мешочки с талисманами. – Сам не знаю... Как-то само собой вышло... интуитивно...

– Хотел бы я знать, что там у тебя вышло, – проворчал Конан. – Давай, работай дальше. Будь что будет. В крайнем случае просто унесем отсюда ноги. А эта Мут – знаешь, она очень хороша... Даже если она ведьма и старуха.

– Ты – жуткий тип, – сказал Гирадо, лихорадочно вытряхивая на землю обломки талисмана. – Так, вода, воздух... огонь... А где же земля?

– Ты же сам говорил, что земная часть талисмана хранится в Луксуре. И что она, вероятно, в особняке Мут. Мол, она самая сильная инее такое... Забыл?

– Может быть, это рубин? – предположил Гирадо.

– А может быть, это сам особняк? – в тон ему ответил Конан. – Простофиля! Что мы теперь будем делать? И что с магой? Она умерла?

– Нет, просто ее душа покинула тело, – сказал Гирадо, приложив на несколько секунд ухо к груди Мутэмэнет.

– А разве это не одно и то же? – фыркнул Конан.

– Для магов – нет, – ответил Гирадо твердо. И насторожился: – А что, тебя тревожит ее участь?

Она могущественна и сильна. Еще бы меня не тревожило, на что она еще способна! – ответил Конан. – По-моему, мы сильно ее разозлили,

Тут тело Мут зашевелилось на земле. Губы с трудом разлепились, глаза распахнулись, и мгновение в них читался панический ужас. Деревья гнулись на ураганном ветру, тучи проносились теперь так низко, что грозили зацепить лежащего на земле за нос.

– Боги! – хрипло произнесла Мут. – Где рубин?

– Здесь, – ответил Гирадо и подтолкнул ногой камень.

– А я где?

– Ты в саду, мага.

– Мага? Мага? – Мут засмеялась еще более хрипло и безумно.

Конан и Гирандо переглянулись. Потом безумная мысль посетила Гирандо, и он вкрадчиво спросил:

– Как тебя зовут?

– Уррутия... Она сказала, что мое имя – Уррутия... Что она скормила мое тело речным ящерам...

– Вероятно, так она и поступила, – кивнул Гирандо.

Уррутия провел руками по бокам, затем вдруг замер и в ужасе схватил себя за грудь.

– Что это? – вскрикнул он и зарыдал.

– Это – тело Мут, – сказал Гирандо. – Добро пожаловать обратно, в мир людей, дорогой брат. То есть, сестра.

– Я теперь женщина? – изумлялся Уррутия. – Что ты со мной сделал, брат?

– Освободил из рубиновой темницы. Я сделал это, как умел, уж прости меня. Ты теперь – очень красивая женщина. Будущее покажет: может быть, ты еще и бессмертная женщина.

– А как же мои мечты... – забормотал Уррутия невнятно. – Выпивка, лошади, бабы... Все это потеряно, потеряно безвозвратно!

И он отчаянно, в голос зарыдал.

Конан смотрел на эту сцену, широко открыв глаза от изумления. Затем он сделал над собой усилие и взял себя в руки. Прежде всего – не думать о том, что произошло, когда он сжимал Мутэмэнет в объятиях. Слишком уж противно. Брат, сестра... Ерунда какая-то!

И потом, куда подевалась душа Мут? И где тот проклятый талисман земли?

Катаклизм приближался. В темном воздухе видны были уже кожистые крылья и оскаленные пасти. Конан узнал этих демонов – их он видел в окнах особняка Мут. Теперь они летали над Луксуром, свободные, жаждущие крови, яростные.

Конан схватил рубин и тотчас встретился взглядом с ненавидящими глазами Мут. Душа маги оказалась там, в темнице, и не узнать ее взгляда Конан не мог. Уррутия, унаследовав тело маги, не унаследовал ее жизненной силы.

– Земной талисман – это ты сама, Мут! – сказал Конан. – Теперь-то я знаю твое уязвимое место.

Он схватил рассыпанные по земле обломки талисмана и бросил их на рубин. Раздалось странное шипение. Рубин как будто расплавился от прикосновения частей талисмана, а затем поглотил их. Мгновение еще Конан слышал пронзительный, отчаянный, полный неизбывной злобы крик женщины, заточенной в рубине, а затем все стихло.

Конан взял камень в руки и наклонился над ним. В темно-красной мгле он увидел, как демоны обступили магу и терзают ее когтистыми лапами, а она обороняется от них заклинаниями. Что ж, Мутэмэнет обрела свою собственную вселенную. И что за беда, если эта вселенная, полная злых, темных сил, вселенная, где Мут является единственной и полновластной госпожой, так мала, что помещается внутри одного рубина!

